

Шакен Кумисбайулы

Кабанбай Каракерей

(По роману «Кабанбай-батыр»
Кабдеша Жумадилова)

аруна
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ББК 63.3 (5 каз)
К 90

Рекомендовано Министерством образования и науки
Республики Казахстан

Кумисбайулы Ш.

К 90 Кабанбай Каракерей. История, личность, время. – Алматы.
«Аруна», 2007. – 92 с. – Серия «Знаменитые люди Востока».

ISBN 9965-26-072-9

«Кабанбай Каракерей» – красочно иллюстрированная книга для детей и взрослых на казахском и русском языках, которая доступно повествует о богатой и насыщенной событиями жизни Кабанбая из рода Каракерей, прославленного казахского батыра. До самой смерти Кабанбай не выпускал из рук тяжелое боевое копье, защищая честь и достоинство своего народа.

К $\frac{0503020905}{00(05)-05}$

ББК 63.3 (5 каз)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Аруна».

ISBN 9965-26-072-9

© ТОО «Аруна Ltd.», 2007

Содержание

<i>Смерть отца</i>	4
<i>Нар-бала</i>	10
<i>Месть</i>	14
<i>Как Эрасыл стал Кабанбаем</i>	21
<i>Верный конь - крылья батыра</i>	30
<i>Великое бедствие</i>	39
<i>Когда сын наступает на пятки</i>	43
<i>Ханский совет</i>	53
<i>Снова в поход</i>	57
<i>Война с шуршитами</i>	64
<i>Курултай в Туркестане</i>	68
<i>Кыргызский поход</i>	75
<i>Последнее сражение</i>	86

«Есть ли у казахского народа тот, кто превзошел бы мудростью самого Толе-би, а бесстрашием самого Кабанбай-батыра? Таких я не знаю».

Машхур Жусуп Копеев

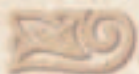
Смерть отца

С два забрезжил рассвет, но в охваченном тревогой ауле никто не спал. Накануне сотня вооруженных калмыкских всадников на своих чубатых конях в остервенении с диким воплем носилась среди юрт, грабя и убивая, захватывая в плен и поджигая жилища.

Кожакул-батыр из рода Каракерей Среднего жуза найман находился в это время со своим отрядом из пятисот вооруженных жигитов в соседнем ауле. Он и не ведал о бесчинствах калмыков над мирными жителями. Безжалостные языки пламени уже подбирались к самой крайней юрте, а дым от пожараща высоко взмыл в небо, когда он, с силой пришпоривая коня, во весь опор примчался в аул. Но было поздно. Батыр был вне себя от ярости. С горящими от гнева глазами, потемневшим лицом он расхаживал перед своими сарбазами.

– Собачье отродье, совсем обнаглели! Нет покоя ни днем, ни ночью. Нет, жигиты, мы это так не оставим! Они не могли далеко уйти, искать их надо в окрестностях Токта-Барлыка.

Слово батыра – закон для сарбазов. Те дружно закивали. Не раз бывало, когда в ауле оставались одни старики, женщины и дети, калмыки спускались с гор и выжидали удобного случая для своих кровавых дел, прячась в густых зарослях тугая или в низинах. Проклятые! Излюбленной добычей стали для них казахские дети. Уволокут, и не знаешь, где их искать: среди живых или мертвых.

Матери часто пугали непослушных детей, показывая в сторону гор:

– Калмык идет! Унесет и съест!

Сколько матерей эти разбойники разрубили саблями, пронзили копьями, когда те пытались защитить своих детей! Сколько их, собственным телом заслонявших родное дитя, было изувечено!

Суровая необходимость и детей приучила сразу же прятаться, едва слышат тревогу: «Ой-бой, аттан!» Кто залезет под толстые тюки одеял, кто, застигнутый врасплох во время игры, скорей бежит спасаться в густые заросли.

– Я своими глазами видел калмыка! А какая у него толстая косичка на затылке! Он прошел рядом, почти в двух шагах от укрытия, не заметив меня! – бахвалились потом дети друг перед другом.

– О, бог Тенгри! Храни от такой напасти! – восклицали матери, услышав подобные разговоры детей.

Солнце близилось к закату, а игра детей в «казахов и калмыков» в высоких зарослях травы была в самом разгаре. Они обступили врага со всех сторон и, заплучив в плен «вражеского предводителя», повели его связанного в зиндан. И вдруг со стороны крайней юрты раздались плач и причитания женщин. От их жуткого крика у детей кровь застыла в жилах. Замерли на своих местах и «казахи», и «калмыки». Ерасыл кинулся было бежать, как стоявший рядом рослый смуглый подросток резко осадил его:

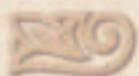
– Стой! Не беги к дому!

По казахским поверьям, скакать во весь опор к аулу считается дурной приметой.

Все чаще скорбный плач оглашал аул. Только десять дней назад в степи нашли бездыханное тело отца Бексеита. А одинокого жылкыши Жумабая калмыки привязали к конскому хвосту, а потом истерзанного бросили умирать под дикой таволгой. Вот и сейчас:

– Ерасыл, это плач в вашей юрте! – сказал Бексеит.

Смуглый мальчик вздрогнул.

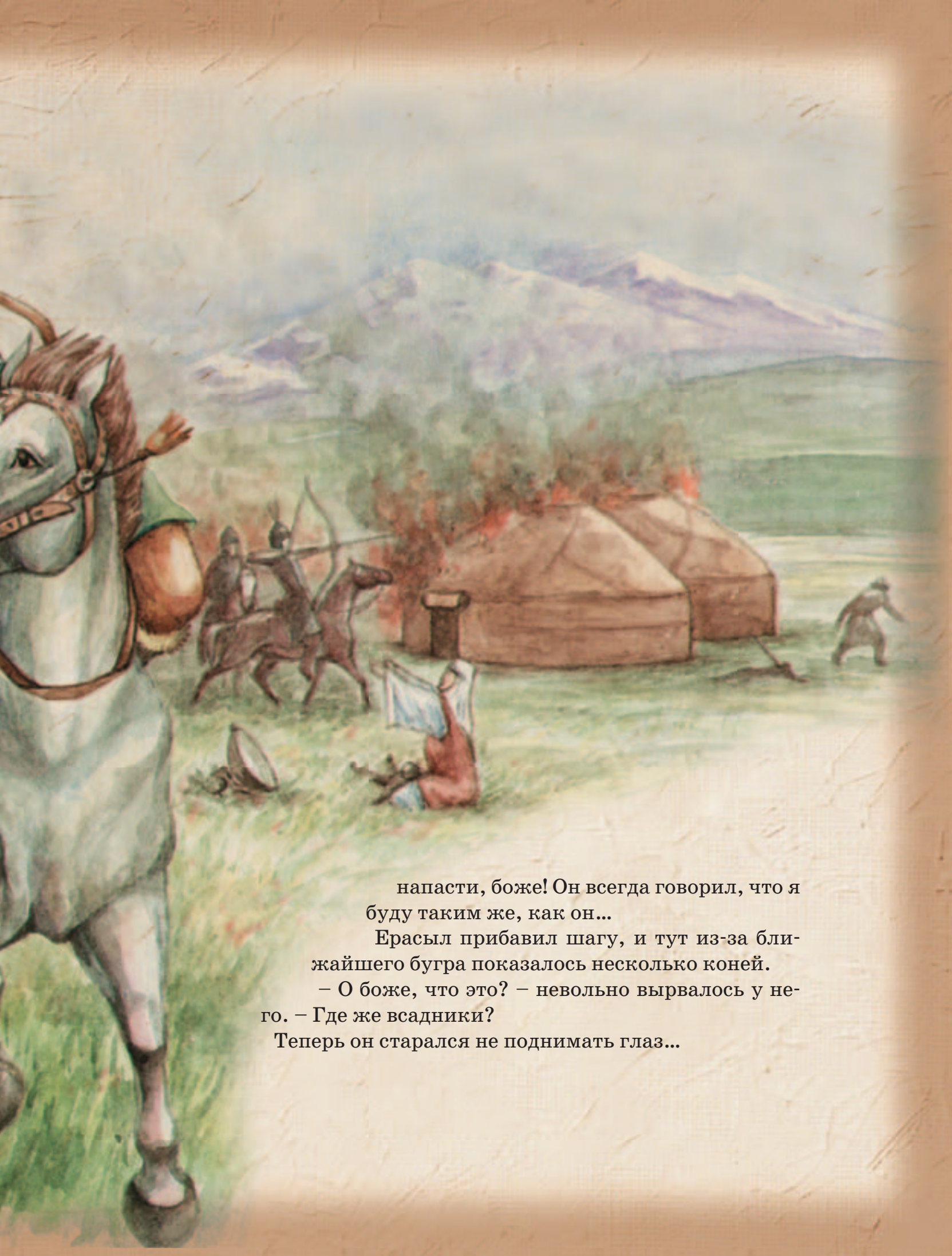

– Моего отца калмык не осилит! – твердо сказал он, пытаясь скрыть тревогу.

– Правду говорю, Ерасыл. Посмотри вон туда!
Возле большой юрты столпилось много народу.

– Только бы не отец! Боже, прошу тебя! – чуть слышно молил бога Ерасыл. – Мой отец такой сильный. Разве не он удержал за уши строптивного балатайского жеребца, не дав ему даже шелохнуться, когда того кастрировали в прошлом году. Сохрани от злой

напасти, боже! Он всегда говорил, что я буду таким же, как он...

Ерасыл прибавил шагу, и тут из-за ближайшего бугра показалось несколько коней.

– О боже, что это? – невольно вырвалось у него. – Где же всадники?

Теперь он старался не поднимать глаз...

– Типун тебе на язык, Бексеит! Словно в воду глядел... Кто же умер? Отец или Есенаман? А вдруг брат Есенбай... Хоть бы все были живы! Боже, сделай так! Пусть хоть бы раненые были...

– Вот Ерасыл пришел... Ой, сиротинушка мой! – запричитала какая-то женщина и крепко обняла его. Потом другие. Помнит только, как он все время повторял «отец!» и плакал навзрыд.

На следующий день тело отца положили на арбу, и траурная процессия двинулась в сторону высокого холма. Вслед за мужчинами шли дети, с ними плелся и убитый горем Ерасыл. Скорбь на лицах, причитания женщин. Сжалось от боли сердце, когда заголосила в прощальной песне скорби его мать. Одна из пожилых женщин сказала:

– Будет, милая, убиваться! Это не только твое горе, но всего нашего народа. Позаботься о своих детях, береги силы.

Только тогда мать понемногу утихла.

– На все воля божья! Пусть душа твоя пребудет в раю! – начал читать молитву мулла.

В мгновение ока глубокая яма, поглотившая завернутое в саван тело отца, превратилась в холм. От слез распухли лица обоих братьев: Есенамана и Есенбая.

– Брось и ты горстку земли, – сказал кто-то и протянул мальчику лопату. Ерасыл сделал то же, что и другие.

Этот день Ерасыл будет помнить всю свою жизнь, как и то, почему нельзя скакать в аул во весь опор.

Была поздняя осень 1702 года. День похорон отца, как яркая вспышка воспоминаний из далекого детства, запечатлелся в памяти семилетнего мальчика.

Жар-бала

Есть ли на свете такой казах, кто не умел бы острить в выборе прозвищ! Особенно искусны в этом женщины. Да и как обижаться на них, ведь молодая сноха, едва переступив порог мужа, должна с честью выдержать первое испытание перед *бәйбіше*. Заключалось это испытание в искусстве давать прозвища родственникам мужа¹. Молодая сноха должна прежде крепко поломать голову над прозвищем младшего деверя. «Тетелес» (одногодок) означает «наступающий на пятки», «Сал жігіт» или «Кенжетай» (баловень) обычно дается самому младшему деверю. Действительно, это особое искусство – давать прозвища. Как бы то ни было, в их основе всегда лежало уважение.

Случалось, и не таким «ласковым» и безобидным словом «награждали» младшего деверя острые на язык *жеңге*², при всем

¹По казахскому обычаю сноха не смела обращаться к родственникам мужа по имени, а называла их ласкательно-уважительным прозвищем, которым сама же и наделяла их, исходя из внешних или личностных качеств родственников.

²Жеңге – жена старшего брата.

народе окликнув «смолисто-черным», «конопато-рыжим» или «лопоухим болтуном». От таких языкастых женге лучше держаться подальше, пока на всю жизнь не припечатали тебе вечное клеймо-прозвище. Любое имя красит человека, если оно к лицу.

После смерти отца Ерасыл сразу же повзрослел. Однажды из соседнего двора его окликнула Кулшекер женге, жена двоюродного брата, тщетно силившаяся оттащить от матки подросткового жеребенка.

– Эй, Ерасыл! Мужчина ты или нет? Пособи мне с этим нечестивым! Уж больно распоясался: молоко опрокинул, вовсе не желает слушаться!

Девятилетний Ерасыл по-мужски твердой рукой оттянул и крепко привязал к стойлу строптивного жеребца. Женщина не удержалась от восхищения:

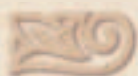
– Ну и силища! Впрямь, как у *қайнаға*¹! А ты такой же сильный. Нар, как и он! Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить! Как тебе подходит имя Нар-бала! – не скрывая своего восторга, поглядывала она на него.

Ерасыл догадался, что под *қайнаға* она имела в виду его отца. В тот же вечер брат, видимо, уже наслышанный о поступке мальчика, позвал его к себе. Оглядел с ног до головы.

– Дай-то бог! Ну-ка, приподними штанишки! Смотри-ка, стопа такая же широкая! Грудь и плечи богатырские, руки крепкие! Через год-два обгонишь меня ростом. Будешь таким же, как отец – Кожакул-ага! Станешь опорой своего рода. Дай Аллах дожить до этого дня! – сказал он, похлопав подростка по плечу.

То ли свершилось им сказанное, то ли сама природа распорядилась так, но спустя два-три года Ерасыл стал совершенной копией отца. Детство, как прекрасный, но короткий сон, рассеялось где-то далеко и ушло безвозвратно. После разговора со снохой и братом он не то намеренно, не то неосознанно стал походить во всем на отца. Мечтал, как и он, заслужить уважение всего рода. Теперь он не расставался с тяжелым отцовским луком. Каждый день натягивал тугую тетиву до нужной метки, пока не научился делать это с изящной легкостью. Материнское сердце наполнялось и радостью, и грустью при виде того, как возмужал сын. Ему не было равных

¹*Қайнаға* – старший деверь.

среди сверстников в состязаниях и играх на ловкость и силу. Особенно отличался он в метании копья. Научился на полном скаку поднимать сухой верблюжий помет острием копья.

«Не думай, что нет вблизи врага, он – под землей, не думай, что нет волка, он – под ушанкой», – говорят в народе. Даже в играх дети учились быть готовыми в любую минуту дать отпор врагам.

Как-то зашел под вечер один из сородичей. Незадолго до этого калмыки угнали из аула несколько десятков лошадей. Сразу же с порога окликнул:

– Эй, сын Кожакула! Для тебя есть дело! Приходи завтра, лошадей надо подковать. Коль на врага пойдем, пусть будут наготове.

– Он же мал еще! Когда погиб кайнага, у него молоко на губах еще не обсохло. Неужели и женить его пора? Как быстро летит время! – удивилась женге.

Ковать лошадей – большое искусство, требующее сноровки и силы. Не каждый жигит может похвастать этим умением. Попробуй-ка подойти и уж тем более подковать строптивых лошадей!

Страсть к лошадям Ерасыл питал с раннего детства. То ли распирала его сила молодецкая, то ли кровь горячая закипала в жилах, но при виде необъезженного молодого жеребца устоять он не мог. Особенно нравилось ему усмирять жеребят: стремительно намотав хвост на руку, удерживать, не давая животному шелохнуться. Повзрослев, он бросил свое детское озорство.

Не по годам рослый, Ерасыл уже не мог как другие подростки ездить на годовалом стригунке: это могло искривить неокрепший хребет животного. Поэтому на следующий день он оседлал отцовского Тенбилкока и в мгновение ока уже был у брата. Здесь собрались крепкие жигиты аула. Они стояли и не решались усмирить строптивного коня, привезенного из соседнего аула. Тот бесновался, никого не подпускал к себе, бил копытами. Ерасыл не выдержал, соскочил с Тенбилкока, пропустив мимо ушей чье-то заботливое:

– Эй, Ерасыл, будь осторожен! Смотри, чтоб не растоптал!

Юноша грозно прикрикнул на строптивного жеребца. И вот те на! Бесновавшийся только что молодой конь, словно почуяв настоящего хозяина, сразу присмирел, выпучил глаза, раздул ноздри и весь задрожал.

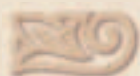
– Бисмилля, бисмилля! Храни Аллах моего Ерасыла! – раздался голос сзади, привлекая к себе общее внимание.

Оглянувшись, Ерасыл увидел Есенбая. При виде брата загорелись глаза Ерасыла, гордостью наполнилась грудь.

Есенбай был мягче старшего брата Есенамана, за это и любили его аулчане. Он не отличался богатырским телосложением, зато был пригож лицом. Сочинял стихи и песни, поэтому всегда был в кругу людей. Чувства старшего брата безмерны к Ерасылу: он всегда потакает любым его желаниям. Собственно, брату и его жене обязан он тем, что не ощущает так сильно утрату отца. Ни в чем не ведает он нужды. Благодаря заботам брата Ерасыл прослыл в ауле баловнем и первым наездником...

Всем своим существом Ерасыл ненавидит слова «барымта», «война». Еще в детстве он со сверстниками любил рассуждать о войне и о том, кого можно называть батыром. Где война – там и жертвы. Истинную суть этих слов он осознал еще в детстве, когда ему едва исполнилось семь лет. Для него война – это всегда горе, вдовство, сиротские слезы. А батыр – это заступник народа, храбрый воин. Если надо будет, то и Ерасыл готов погибнуть на войне, защищая свой народ, как его отец Кожакул. Будь он проклят, калмык! погоди! Еще повоюем, только бы вырасти поскорее! Эх, был бы жив отец!

Как давно это было!..

Месть

В тот страшный день в ауле было пролито много слез. Расселившиеся по соседству калмыки не прекращали свои набеги на казахские аулы, расположенные вдоль реки, уводя каждый год много скота. Не только грабили и угоняли лошадей, но часто убивали и издевались над мирными жителями. В один из таких набегов они зверски убили Есенбая, ходившего за табу-

ном. Вспороли ему живот и бросили в далекой степи. Когда его нашли, он был уже мертв. Ерасыл, увидев окровавленное тело брата, с диким ревом раненого быка бросился на него. Плакал, не сдерживаясь, не стесняясь своих слез. И снова похороны в ауле, снова плач и скорбные причитания женщин. Есенбая похоронили рядом с отцом.

Как лед, стало сердце Ерасыла, переполнившись чувством мести. Что могло быть тяжелее, когда в ауле никто не умирал собственной смертью, а погибал от зверств и насилия! Разве его брат, такой тихий и безобидный, причинил кому-нибудь зло, чтобы учинить над ним такую расправу? Убийцы ответят за это!

Хотя поначалу в ауле и негодовали, требуя мести, однако со временем пыл смельчаков поубавился. Ерасыл устал надеяться на справедливое возмездие. Ему не давало покоя чувство долга перед братом. Как жить с этим тяжким грузом в душе, как не отомстить за смерть любимого брата? Он уже все обдумал.

Для него есть только два пути: либо отправиться на врага одному, либо смириться. Он без колебаний выбрал первое. Разве его жизнь дороже жизни брата? Он непременно должен найти этих злодеев Улже Жыргала и Арсалана на восточных склонах гор. Говорят, что это их рук дело.

Ерасыл начал спешно собираться в дорогу. Набрал в коржун трехдневный запас еды, взял отцовское четырехгранное копье с черным наконечником, кривую черную саблю, заткнул за пояс обоюдоострый кинжал и, ни словом не обмолвившись ни с кем о своих намерениях, без шума поймал в табуне своего Ардакурена, вскочил на него и со словами: «Где ты, мой враг, покажись!..» – пришпорил коня. Грудь распирало от жажды мести. Скакал всю ночь почти до самого леса, что на краю калмыцкого аула.

Несколько дней скрываясь в густых зарослях, он почти освоился в тугае и чувствовал себя в безопасности, как медведь в берлоге. Часто выходил осматривать местность. Калмыцкие аулы теснились друг к другу. То там, то здесь видны отары овец, табуны лошадей. Эта местность называется Сарыбел. Помнится, еще мальчиком он не раз приезжал сюда с отцом верхом на Тенбилкоке. «Наша зимовка!» – говаривал тогда отец. Ушло в невозвратное далеко то время. Прекрасная местность небезопасна теперь. Поймают – не пощадят, растерзают в мгновение ока, как безжалостно растерзали брата. Не станет Ерасыл молить о пощаде. Смерти не избежал еще никто.

Калмыки чувствуют себя вольготно. Не ведают страха. Будто не ждут от казахов никакой напасти. Каждый занят своим делом. Во что бы то ни стало надо поймать осведомителя. Каждый второй калмык понимает казахскую речь.

В одном из ущелий расположились две зимовки. Здесь особенно густо растет лебеда и жгучая крапива. Неподалеку пасутся верблюды. Ерасыл решил переждать в зарослях. Ждал долго, успел подкрепиться, как вдруг услышал шорох. Кто-то с палкой шел вдоль берега и, подойдя совсем близко, пропал в густых зарослях лебеды. Ерасыл стал осторожно подкрадываться к незнакомцу. Вдруг до его слуха донесся напев грустной песни.

Приближаясь кошачьей поступью, Ерасыл затаил дыхание. Он услышал слова песни:

Оставил родной Алатоо

Безвольный пленник калмыка...

Слова прерывались тяжкими вздохами. На душе стало легче. Поет не калмык. Мотив песни не похож на калмыцкий, как будто кыргызский. «В этих краях есть пленники кыргызы. Поют очень хорошо!» – вспомнились слова брата Есенбая. Наверное, это один из тех бедолаг. Затаив дыхание, Ерасыл продолжал подбираться, словно тигр, вышедший на охоту. До кыргыза оставалось расстояние в один прыжок. И тут Ерасыл лучше разглядел его. Это был совсем щуплый юнец. Поняв, что опасности нет, Ерасыл поднялся во весь рост. Незнакомец, заметив его, кинулся было к оставленной палке, но Ерасыл опередил его. Разглядев юношу, сказал дружелюбно:

– Не бойся, я тебя не трону. Я ищу отбившееся стадо.

Незнакомец оглядел Ерасыла с ног до головы и смиренно опустился на землю: может, притворился, что поверил его словам, а может, понял, что сопротивляться бесполезно.

– Как тебя зовут?

– Ердене.

– Что ты тут делаешь?

– Пасу верблюдов.

– Чьи верблюды?

– Улжена, калмыцкого батыра.

– Ах, так!?

Лицо Ерасыла засияло от радости. От волнения сильнее забилось сердце.

– А ты кто? Как ты оказался у калмыков?

– Я кыргыз. Когда мне было семь лет, они схватили меня и привезли сюда.

То ли сходство языков, то ли сказалось древнее родство двух народов, но Ердене разговорился с Ерасылом как со старым знакомым.

– Два соседних аула, расположенные в ущелье, – это аулы родных братьев Улже Жыргала и Арсалана. А сам я безвольный раб вон из того ближнего аула Улже. Оба брата промышляют частыми набегами на казахские аулы, откуда пригоняют много лошадей. Сам слышал, как Улже рассказывал о том, что в последний раз угнал много лошадей, а жылкыши забил до смерти ради забавы. Тебе лучше поскорее убираться из этих мест. Они не пощадят тебя, если увидят, – забеспокоился Ердене.

Поговорив о том о сем, молодой кыргыз после полудня пошел в аул и вернулся лишь с закатом солнца. С собой принес немного курта и свежего сыра, приглашая к дружеской трапезе.

Время не ждет. Будь что будет! Ерасыл решился сказать всю правду о своем неожиданном появлении в этих местах. Молодой кыргыз не предаст. Он тоже обижен судьбой и тяжелой долей невольника.

Слезы вновь навернулись на глаза, когда вспоминал о зверском убийстве брата. Пастух поделился терзавшими его сердце мыслями о мести. Его отца убил ноян Улже. Польстившись на красоту его матери, хотел взять ее в наложницы, но она не на много пережила отца, умерла, не вынеся горя и унижения. Перед смертью наказала сыну: «Никогда не забывай о том, как погиб отец, и о вдовьей участи матери! Не забывай родину, постарайся найти туда дорогу!»

– Сведи меня с Улже с глаза на глаз! – попросил Ерасыл.

– Ты прав. С одним ты легко справишься. А то их, собак, очень много! – сказал жигит с участием. – Если удастся убить его, заберешь меня с собой?

– А ты что думал?

– А смогу ли я добраться до родных мест?

– Еще бы! Среди казахов ты будешь как свой!

– Если узнают, что убийца Улже из ближних аулов, не поздоровится всем!

– Поедем к кереем, у меня там сестра!

Еще один день выжидал в лесу Ерасыл, взывал к духам предков, подбадривал себя. От волнения перехватывало дыхание. Будь что будет! Все равно помирать. Разве его жизнь стоит больше, чем жизнь отца или брата? Уже и не страшится он ничего.

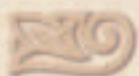
Как и было условлено, с наступлением темноты Ерасыл спустился в аул. Молодой кыргыз не заставил себя долго ждать. Стараясь не потревожить верблюдов, они бесшумно прошли в бедное чабанское стойбище. Темная безлунная ночь, хоть глаз выколи.

– Калмыки только начали пить свое пойло, пусть напьются вдоволь! – сказал пастушок полусшепотом.

Дурманящий напиток калмыков изготавливался из сыворотки закисшего молока.

Спустя некоторое время молодой кыргыз подвел его к большой белой юрте. Оба прислушались. Калмыки с аппетитом поглощали мясо.

– Вон тот с толстой косичкой на затылке, что сидит на распахку, и есть Улже, не перепутай! – прошептал кыргыз, заглядывая в щель внутрь юрты. – Наших коней я отметил, а у остальных подрезал подпруги.

Немного погодя разгоряченные спиртным напитком калмыки затянули песню. Время будто остановилось. Часа полтора спустя они стали расходиться. Но тот, кого поджидали эти двое, не показывался. Ерасылу, который прятался среди верблюдов, не терпелось. Он ни на мгновение не сводил глаз с темного полога юрты. Вдруг, полностью закрыв собой дверной проем юрты, появилась огромная фигура человека с открытой грудью.

– Наконец-то! – буркнул Ерасыл, крепко сжимая рукоять кинжала.

Чуть постояв в дверях, поглаживая толстый живот, Улже направился к крайнему стойлу, где находился на привязи белогривый конь. Закончив вечерний туалет, он немного задержался. Ерасыл на цыпочках подошел сзади. «Перед смертью пусть эта собака узнает, кто осмелился поднять на него руку!» – пронеслось у него в голове. И, подойдя почти вплотную, хриплым голосом спросил:

– Ты Улже?

– Я-я-я самый!?

– Не тот ли разбойник, что ограбил мой аул и убил моего брата? Тогда вот тебе, получай!

Стремительно подскочив, Ерасыл в мгновение ока с силой вонзил стальной кинжал в сердце Улже. Изумленный враг даже слова сказать не успел. С раскрытым ртом и вытянутыми вперед руками упал ничком. Ерасыл, впервые убив человека, весь обмяк. С трудом удерживаясь, чтобы не упасть, медленно опустился на землю. Молодой кыргыз подбежал к нему, помог подняться и, подведя к коню, усадил, дав в руки поводья белогривого.

Они уже были недосыгаемы, когда сзади послышались людские крики и лай собак. Непонятно почему, но погони не последовало. В ночной тишине раздавался топот только двух коней. Полночная тьма окутала пеленой тайну. Ерасыл был доволен собой. Он чувствовал себя настоящим мужчиной, сумевшим отомстить за смерть брата. Тогда он еще и не мог знать, что уготовано ему судьбой. Сколько еще препятствий придется преодолеть!

Как Ерасыл стал Кабанбаем

Смерть Улже Жыргала так и осталась для всех загадкой. Калмыцкий батыр, человек видный, пользующийся авторитетом, имел многочисленную родню, которая, учини спрос за смерть сородича, могла бы легко выйти на Ерасыла. Такой дерзости, конечно, не ждали от пропавшего в ту ночь кыргыза. Предполагали, что это мог сделать Ерасыл, поклявшийся отомстить за смерть брата. К тому же, незадолго до этого он пропал из аула. Но никто не стал его разыскивать.

Неожиданный визит Ерасыла к родственникам привел всех в восторг. Особенно засуетилась сестра. Радостно обняв младшего брата, она рассудила по-своему: где же найти ему утешение, как не у родной сестры, и всячески пыталась угодить ему. Ерасыл не скрыл глубокой сердечной обиды на родичей, так и не собравшихся отомстить за смерть его брата.

Большой род кереев с радушием принял шурина. Ерасылу только недавно исполнилось семнадцать, но его самостоятельность, богатырское телосложение внушали уважение, с его мнением считались. Сестра и зять ухаживали за ним как за родным сыном. А сам он не любил сидеть без дела, ходил за табунами, отбивал барымту у калмыков. Непокойное было то время. Враждовали меж собой аулы казахов и калмыков.

Испокон веков лошади у казахов особо почитаются среди прочих животных и являются предметом гордости хозяина. Они служат средством передвижения, их мясо употребляют в пищу, а из молока делают напиток – кумыс.

Как-то раз Ерасыл вместе с другими табунщиками привел лошадей на водопой. Часть табуна, отбившись, забрела в густые заросли камыша и наткнулась на диких кабанов.

Потревоженные лошадьми, они кинулись в разные стороны. Вдруг из кустов на Ерасыла выскочил огромный черный кабан с густой пеной у рта, торчащими, как кинжал, клыками. Рассвирепевшее животное внушало ужас.

Все случилось в мгновение ока. Приученный жизнью в степи ко всяким неожиданностям, молодой жигит не растерялся и на этот раз. Он успел направить копьё прямо в пасть животного. От пронзительного визга зазвенело в ушах. Копьё прошло вглубь на сажень. Едва Ерасыл его вытащил, как

следом показался другой кабан. Ерасыл не успел опомниться, как разъяренный зверь бросился на него. Огромные клыки прошли рядом. Тут же конь с диким ржанием взметнулся вверх и грохнулся набок. Несчастное животное захрапело, и Ерасыл увидел, как из разорванного бока его вывалились внутренности. Ноги запутались в стремях. Едва успел освободиться, как кабан, развернувшись, вновь приготовился к нападению. Ерасыл напрягся, собираясь с силами.

Новая атака должна показать, что сильнее: острое копьё в руках человека или клыки животного, подобные кинжалу? Схватка человека и животного длилась одно лишь мгновение...

Искусством метания копья Ерасыл владел в совершенстве. Привычным жестом направил острие в горло кабана. Удар пришелся ниже, под левую лопатку. Силу руки человека увеличил бешеный порыв животного, так что копьё, войдя в грудь, надвое разорвало сердце. Кабан размером с быка упал замертво. Ерасыл, переведя дух, опустился на землю.

Как только жигиты услышали, что на Ерасыла напал дикий кабан, сразу поскакали в аул за помощью. Родичи на конях и пешие прибежали на помощь. Видимо, подобное случалось здесь часто. И тогда всем аулом спасали человека, попавшего в беду, так же, как защищались и от калмыка, – всем миром. Когда подросли родичи, Ерасыл уже прирезал умирающего коня и сидел рядом. Поодаль громоздились две огромные кабаньи туши. Прибежавшие спасители не скрывали восхищения.

– Вот это кабан! Вот это да!

Особенно радовался зять Бердаулет, который не мог поверить своим глазам, что шурин в схватке с дикими кабанами остался жив. Он схватил его в охапку и, продолжая целовать поочередно то в одну, то в другую щеку, приговаривал:

– Да ты, как я вижу, настоящий батыр! А я думал, еще мал, только ростом удался! Если кабана одолел, значит, и силища у тебя немереная, как у кабана! Да, да, слышите все, моего шурина отныне зовите Кабан-батыр! – продолжал шутить он.

Этот случай облетел все ближние и дальние аулы. Его пересказывали из уст в уста и взрослые, и дети. Так, с легкой руки зятя имя Кабан-батыр – Кабанбай прочно закрепилось за Ерасылом.

Осенью того же 1717 года восседавший на троне правитель хан Кайып, младший брат хана Аз-Тауке, вместе с ханом Абулхаиром выступил в поход против калмыков во главе тридцатитысячного войска. Противники встретились на реке Аягоз.

Вооруженные винтовками калмыки держали оборону и не подпускали к себе. Вскоре к калмыкам подоспело подкрепление, и на сей раз казахи потерпели крупное поражение.

В 1718 году воодушевленные победой на Аягозе, калмыки начали широкое наступление вдоль по всему южному побережью рек Арысь и Шаян.

Получив первое боевое крещение при битве на реке Аягоз, Ерасыл впервые отважился помериться силами в поединке.

Полдень. Отряды застыли в ожидании друг перед другом. На середину поля на вороном коне выступил калмыцкий батыр Долан Дашы.

По традиции назвав свое имя, он вызывающе огляделся. При виде тучного противника Кабанбай отчетливо представил себе смерть брата Есенбая.

– Эх, как больно сознавать, что жизнь Есенбая оборвалась так рано. Но ты будешь отомщен! – процедил Кабанбай, крепко стиснув зубы. И тут же ощутил сладкий привкус собственной крови, выступившей на губах.

От охватившей его ярости вплотную подлетел к врагу. Только что бивший себя в грудь Долан Дашы не ожидал увидеть могучего казаха, размерами превышающего его самого.

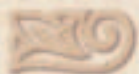
– Ты посмотри-ка, и казах способен родить такого богатыря!» – искренне удивился он и решил использовать тактику дальнего боя.

Кабанбай ловко отразил первый натиск противника. Выждав удобный момент, Ерасыл с силой взмахнул саблей. Оружие полоснуло по горлу противника. Словно огромный куль, с грохотом свалился калмык на землю.

Один из сарбазов восторженно крикнул: «Ерасыл! Кабанбай!» Его подхватили остальные, и многотысячное поле огласилось боевым призывом: «Кабанбай!»

Так, прозвучав впервые на поле брани, это имя превратилось в боевой клич казахских воинов. А Ерасыл вернулся на родину в ореоле славы батыра с грозным именем Кабанбай.

Оставив аул юнцом и около пяти лет пробыв у кереев, он женился на девушке по имени Ханбиба.

Стояла поздняя осень. Калмыки не прекращали со всех сторон терзать приграничные казахские аулы. Конечно, и казахи не сидели сложа руки. Все, кто мог удержать в руке тяжелое копье, выходили на врага. Кабанбай всегда был в числе тех, кто, заслышав тревогу, первым не заставлял себя долго ждать.

Когда, выступив объединенными силами, казахское войско, поджидало в укрытии прибытия отрядов Кайып-хана и Абулхаира, пришло известие, что калмыки напали на аулы в Акшиде.

Кабанбай-батыр, не медля, поспешил туда с пятьюстами жигитов. Это случилось в 1722 году, незадолго до печально известных в истории событий *«Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама»*.

Словно изголодавшиеся волки, враги не щадили никого: грабили дома, угоняли скот, захватывали в плен молодых женщин. Полностью разорив аул, они подожгли его.

Крики и рыдания от пережитого ужаса и горя огласили окрестность. Враги успели уйти, навьючив на верблюдов все награбленное.

Кабанбай подскочил, словно ужаленный, услышав имя предводителя. Это дело рук его кровного врага Арсалана. С ним у него особый счет. И Кабанбай поспешил по его следу, и вновь тяжелые мысли о мщении роились в его голове. Теперь он не тот шестнадцатилетний мальчишка, под покровом ночи отомстивший за гибель брата. Нет, теперь пусть враг бледнеет, завидев могучего богатыря, и пусть дрожат у него колени при виде широкой, как щит, груди батыра, с плечами, на которых легко могли бы разместиться два человека.

– Дождался, наконец! погоди, теперь моя очередь! – скрежетал зубами Кабанбай. – Только бы догнать!

Под самый вечер преследователи у предгорий различили силуэты всадников. Конный отряд, сопровождавший караван с награбленным добром, шел медленно.

Еще издали заметив обгоняющий их казахский отряд, калмыки начали выстраиваться в круг. Но внезапная атака не устраивала Кабанбая. Он приказал строиться в один ряд, чтобы вызвать Арсалана на поединок.

Как водится, приглашая на бой противника, надо следовать неписаным его правилам. Сначала участники ведут словесную дуэль. Раззадоривая друг друга, они должны выплеснуть весь свой гнев, всю злобу на врага, тогда и бой будет беспощадным, а чувство мести удовлетворенным. Да и сам поединок требует большого боевого искусства.

Хотя Кабанбаю и не по душе словесная перебранка, пришлось соблюсти эти законы. Злоба на Арсалана давно жгла его сердце. Не выдержав, он первым вышел на середину.

Резвый аргамак Кабанбая Каракер, словно предчувствуя схватку, в нетерпении то и дело вырывался вперед.

– Среди вас есть вор по имени Арсалан! Говорят, он любит воевать с женщинами да со стариками! – начал громко Кабанбай-батыр.

Сарбазы подняли гогот. Задетый за живое Арсалан вскипел от злости и выскочил из строя. Вороной конь под ним так и заходил. Самодовольно восседая на своем аргамаке, он полагал, что непобедим и недосыгаем в своих дорогих стальных доспехах. Он презрительно смерил взглядом молодого соперника.

Едва ли спесивый и самонадеянный Арсалан догадывался, что перед ним – отважный воин, стяжавший, несмотря на молодость, славу в нелегких схватках. Ни капли не сомневаясь в своей победе, Арсалан стал приближаться.

– Э-э! Кто это лает? Посмотрите только, да это же щенок! – обернулся он к своим, ища поддержки.

И во вражеских рядах раздался гогот.

– Ну, ойратская собака, молись своему богу! Сегодня ты не уйдешь отсюда живым! – зло процедил сквозь зубы Кабанбай.

– Эх! Какая досада, что не нашелся более достойный! Как же мне называть тебя, если спросят потом, кого я отправил к праотцам? – утрашая батыра, продолжал Арсалан.

– Говоришь, досадно тебе? Тогда слушай, а то умрешь и не узнаешь правды! Это мне будет досадно, что не успел тебе сказать. Семь лет назад я отправил к предкам душу твоего брата! Сегодня твоя очередь последовать за ним!

– Ах, вот как?! Так это ты его убил?! – в ярости прохрипел Арсалан.

– Я открыл тебе правду! Вы ограбили и зверски убили моего брата Есенбая, и я этого не забыл. Настало моё время, собака! – еще более заводясь, выкрикивал Кабанбай.

– Я начну первым! По закону мести! – приходя в бешенство, вскричал Арсалан.

Кабанбай отъехал на расстояние, ожидая атаки. Бешено настегивая вороного и крепко сжимая копьё, Арсалан летел навстречу. Удар был такой силы, что звон копьё по стальному щиту оглушил всех, а Кабанбай едва удержался в седле.

Теперь настал его черед. Желая испытать Арсалана и выведать его слабое место, он вполсилы стукнул его копьём и, развернувшись, стал ждать очередной атаки. И на этот раз Арсалан саданул с такой мощью, что щит чуть не разломился надвое.

По правилам поединка копьё мечут трижды, после чего переходят к шокпару и мечу. В искусстве метания копьё Кабанбай не знал себе равных. Испытывая врага, он уже нащупал его слабое место: это незащищенная краем кольчуги шея, которая приоткрывалась при скачке. В схватке, когда решается вопрос жизни и смерти, важна любая мелочь. Порой от нее зависит исход сражения. Арсалан же был настолько уверен в своей непобедимости, что даже и мысли не допускал о собственном поражении.

Молодой батыр, низко держа копьё, наклонился вперед, будто целился в живот. Сравнявшись с противником, вдруг резко поднял острие копьё и с налету вонзил его в горло. Должно быть, перерезал глотку и сломал шейный позвонок. Так оно и есть, не ошибся. Вот и поплатился Арсалан за свое высокомерие.

Труслив враг, потерявший своего предводителя. Бросив награбленное добро, калмыки пустились в бегство, спасая свои жизни.

– Теперь мой брат может спать спокойно! Он отомщен! Подлый шакал, копал яму для других, но сам же в нее и угодил! – сказал Кабанбай, обращаясь к знаменосцу.

Победа воодушевила батыра, придав ему еще большую отвагу. Он не переставал повторять мысленно:

– За свой народ! За землю предков не пощажу жизни.

Сарбазы с криками «Кабанбай! Кабанбай!» кинулись в погоню. По всей степи: холмам и оврагам, ущельям и предгорьям – разнесся грозный клич.

Это был один из первых подвигов выдающегося казахского военачальника батыра Кабанбая.

Верный конь – крылья батыра

Верхом на верном боевом коне батыры чувствуют уверенность в своих силах. Не зря говорят, что верный конь – крылья батыра. Верный конь – залог победы батыра, даже когда он безоружен. Как правило, поединок – это поражение одного и победа другого, победа, которую каждый стремится вырвать любой ценой: сразив наповал, пронзив копьем, разрубив мечом, свалив шокпаром.

Есть моменты в поединке, когда исход целиком зависит от преданности четвероногого друга. Такой друг может спасти хозяина от неминуемой смерти, отскочить от удара, защитить собой, поднявшись на дыбы. Встречаются и кони, которые, испугавшись атаки, могут дрогнуть, осесть, тем самым подставив хозяина под удар. Но верный аргамак способен на многое, даже свалить с седла противника. О таких в народе говорят – «крылатый конь». Недаром с именем батыра неразрывно связан образ его боевого друга.

Кабанбай на Кубасе чувствует себя уверенно, но до него немало натерпелся он неприятностей. Ни один конь не задерживался надолго. Одни погибали в бою, другие, оступившись, ломали копыта.

С начала весны 1718 года обострились столкновения между казаками и калмыками. Накануне решительного отпора на востоке от озера Балхаш главный командующий армией трех жузов хан Абулхаир начал собирать единое войско. Узнав об этом, Кабанбай выехал из предгорий Улытау. В дороге его отряд неожиданно наткнулся на превосходящее по численности войско противника. Избежать столкновения было невозможно. Обе стороны стали выстраиваться в ряд, готовясь к сражению. Ясно, что оно начнется с поединка.

И тут из калмыцких рядов на вороном коне, едва помещаясь в седле, выехал всадник лет сорока и зычно выкрикнул по-казахски:

– Пусть меня, Аркаул-батыра, знают все! Я тот, кто одолел семь казахских батыров и сам отрубил им головы! Я слышал, что есть среди вас тот, кого зовут Кабанбай! Я вызываю его!

Обычно предводители не выходят на первый поединок, силу должны показать другие. Поскольку вызов был сделан Кабанбай-батыру, он не мог не принять его. Возвышаясь горю на Кертобеле, выехал Кабанбай.

– Сегодня же окажешься на том свете, Кабанбай!

– Увидим, кто отправится быстрее! Много не болтай, начинай первым!

Калмык только этого и ждал. Разогнавшись, с силой метнул тяжелое копьё. Лязгающий звон металла сотряс воздух. Кабанбай едва успел отвести удар. Теперь атака за батыром. Целясь, как всегда чуть выше груди, он и теперь рассчитывал

на победу. От этого удара еще никто не уходил живым. Но точному расчету помешал его конь. Хоть и был вынослив и незаменим в долгих походах Кертобел, в схватках он давал осечку, проявляя робость.

В ту минуту, когда Кабанбай, прицелившись, направил копье для удара, его конь чуть отклонился в сторону. Острие копья, лишь вскользь задев соперника, прошло мимо. Очередной удар калмыцкого воина был таким сокрушительным, что чуть не расколот щит надвое. Во второй раз Кабанбай целился прямо в грудь. И черное шестигранное копье, пробив двойную сетку прочной кольчуги, вонзилось в тело. Желая направить копье в самую глотку, Кабанбай напряг все силы. Но тут его конь не выдержал и начал оседать на передние копыта. Еще немного – не миновать бы самому мощного удара шокпаром. Положение было отчаянным. Чувствуя, что сам висит на волоске от смерти, Кабанбай нечеловеческим усилием вдруг резким движением поднял копье вверх, приподняв из седла пронзенного Аркаула. Все произошедшее потом он помнил с трудом. Конь, падая, наткнулся на передние копыта калмыцкого коня. Тот с диким ржанием резко взметнулся вверх. Аркаул упал с перебитым позвоночником – и началась страшная сеча.

Оставшись без коня, Кабанбай мог быть растоптан тут же калмыцкими всадниками. И Бердыкожа из рода Шанышкалы успел подвести к нему своего белогривого скакуна.

Однако, потеряв своего предводителя, калмыки не смогли отличиться ни организованностью, ни высоким боевым духом. Казахские жигиты, воодушевленные победой своего батыра, подхватив боевой клич «Кабанбай!», со всей силой ударили по врагу. Победа была полная. В конце удачного сражения Кабанбай разыскал хозяина скакуна и возвратил его с благодарностью.

– Нет-нет, Кабеке! Что вы?! Теперь он ваш! Только теперь он нашел своего хозяина! – наотрез отказался тот.

Белогривый оказался верным конем. Как ни жаль потерять боевого друга, ничего не поделаешь, враг сразил его в одном из боев.

Но этот же Белогривый подарил хозяину новое имя. Произошло это во время битвы с калмыками в ущелье Шаган. Долго

не удавалось пробить оборону. Тогда казахские воины устремились вверх по ущелью. Впереди на расстоянии полета стрелы мчался на Белогривом сам Кабанбай, увлекая за собой отряд.

Наблюдая с высокого холма за ходом сражения, Абылай-хан, спросил восхищенно:

– Кто же этот одинокий всадник? Безрассудный храбрец! Как бы не сразила его чья-нибудь стрела!

Когда укрепление было взято и враг повержен, Абылай-хан, все еще восторгаясь, приказал привести того батыра. Обнял его крепко и сказал:

– Если бы не твой дерзкий маневр на белогривом скакуне, неизвестно, как бы закончилось сражение. Ты рисковал жизнью ради общей победы! Пусть твой грозный клич «Кабанбай!» будет кличем ханского батыра, а имя, полученное в бою, будет Дарабоз!

– Что вы, таксыр! У меня много боевых имен, что дал мне народ!

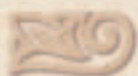
– Знаю! – говорит хан Абылай, улыбаясь. – Мы оба забыли имена, которыми нарекли нас при рождении. Но сегодня ты совершил подвиг, достойный этого имени.

Хан объявил о своем решении и назначил Кабанбая ханским батыром. У каждого народа, как известно, есть избранный герой. Но имена батыров других народов постепенно забываются. Это непреложный закон. А свои герои, удостоенные любви народной, не забываются никогда. Их имена передаются из поколения в поколение.

Однажды Кабанбай приехал в аул Боранбай-бия. Батыру устроили пышный прием. Как водится в таких случаях, на той прибыли почетные гости всего рода, закололи кобылу, щедро угощали кумысом. Боранбай был известен как редкий знаток и ценитель лошадей. Он давно горел желанием подарить коня прославленному Кабанбаю. Во время беседы Боранбай обмолвился:

– Достойный конь, возможно, найдется среди куланбайского табуна.

– Оно и верно, куланбайские кони ведут свою линию от древней казахской породы казанат! – поддержали его гости.

Куланбай – двоюродный младший брат Боранбая. У него в стадах более пяти тысяч лошадей. Без сомнения, будет позором для всего рода, если они не смогут подарить достойного коня батыру. В тот же час Боранбай сочинил своему родичу послание следующего содержания:

*Ты славу редкого ценителя коней
Обрел во всей округе не напрасно.
Позволь облегчить труд
И дать для верности совет
Достойного коня примет:
Пусть будет ростом с Куланбая,
А вширь заслужит славу Боранбая.
Изящный стан, точеные копыта,
Такой конь – редкость в наши дни.
Глаза – как ночь в зеркальной глубине.
Аршином уши, чуткий слух,
Масти ровной, гривы шелк,
Алмазные копыта, мощна грудь.
Ему нет равных в силе и в строю,
Крылатый конь и верный друг в бою!*

К Куланбаю отправили гонца. Засуетился Куланбай, делом чести для него была возможность преподнести в дар коня самому Кабанбай-батыру. Он вызвал главного табунщика Усербая, и они долго ломали голову в поисках такого скакуна, что описан в послании. Усербай, насупившись, сидел над запиской, и вдруг его точно осенило. Он резко вскинул голову:

– Есть один такой! Отец – от казахской масти казанат, мать – от туркменского ахалтекинца! – радостно сообщил он.

– Что? Это правда? Выбирай себе любой подарок за такую весть! – воскликнул Куланбай.

– Если батыр будет недоволен Ардаемгеном, я в жизни не возьму в руки *қырық*¹! – ответил главный табунщик.

Но на всякий случай Куланбай пригласил других знатоков лошадей. Подъезжая к табуну, они еще издали заметили необыкновенно крупного, но поджарого и статного коня гнедой масти с золотистым отливом. Крепкие копыта, мускулистые ноги, чуткие в аршин уши, красивый изгиб длинной шеи – все, как описано.

– Настоящий тулпар! – любуясь жеребцом, воскликнули все в один голос.

Получив хорошую весть о том, что наконец-то найден настоящий скакун, в тот же день большая группа во главе с Боранбаем выехала в аул Куланбая. Гостей ждали с таким нетерпением, будто готовились к большому тою.

В ожидании Кабанбай не находил себе места. Через некоторое время раздались голоса детей:

– Это Ардаемген! – крикнул один из подростков.

– Нет, тот был немного ниже! – возразил загорелый мальчишка со вздернутым носом.

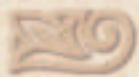
Посмотреть на коня пришли не только дети, но и взрослые.

По казахскому обычаю, если в доме молодоженов первым рождался мальчик, то по случаю большого праздника родственники матери преподносили в подарок годовалого жеребенка. Стригунок рос вместе с ребенком и являлся его собственностью. Забавляясь, ребенок, учился не только ездить, но и ухаживать за ним. С малых лет он приучался к мысли, что он мужчина и должен быть опорой семьи, а в будущем – и всего рода. В случае опасности он наденет доспехи и пойдет защищать свою землю.

Этот древний обычай дошел через века и поколения. Может, поэтому отношение к лошадям не только у взрослых казахов, но и у детей всегда трепетное. Удивительную мудрость проявляли кочевники во всем, даже в приданом для ребенка.

– Ардаемгена привели! – крикнул кто-то.

¹*Қырық* – шест, длинная палка для ловли лошадей.

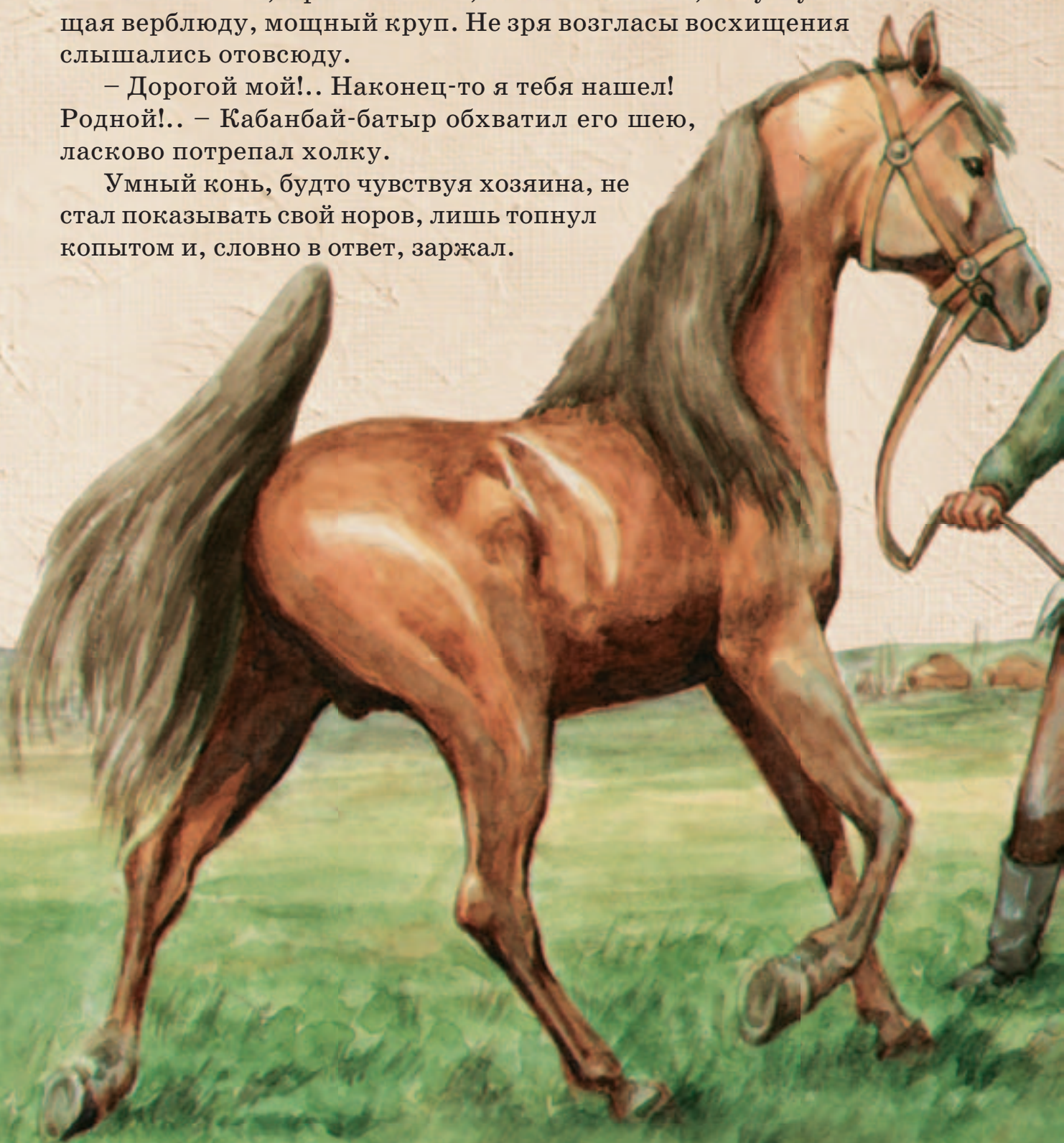

Все вскочили с мест и с явным любопытством поспешили в сторону шумной толпы. Желая поскорее увидеть подарок, впереди всех шел Кабанбай-батыр.

В гнедом жеребце всё свидетельствовало о породе: великолепная стать, крепкие ноги, высота в холке, не уступающая верблюду, мощный круп. Не зря возгласы восхищения слышались отовсюду.

– Дорогой мой!.. Наконец-то я тебя нашел! Родной!.. – Кабанбай-батыр обхватил его шею, ласково потрепал холку.

Умный конь, будто чувствуя хозяина, не стал показывать свой норов, лишь топнул копытом и, словно в ответ, заржал.

- В добрый путь!
- Пусть хранят вас добрые духи!
- Защити народ, пусть будет враг повержен!

Со всех сторон посыпались поздравления. И лишь Боранбай не сказал ни слова. Но и досаду не выразил. Только глаза выдавали его удивление и восхищение.

И вдруг его словно прорвало:

– Ты только взгляни! Есть еще в казахской степи тулпары! Тьфу, тьфу! Настоящая порода! Скачи хоть дни напролет, а усталости не выкажет! Видел, как ноздри раздуваются: целый кулак влезет! Красив, как лань, прыток, как джейран... – Боранбай крутился вокруг коня и разговаривал сам с собой.

– Батыр, я подумал вот о чем, – наконец-то обратился он к Кабанбаю.

– Говори! – заинтересовался батыр.

– Хочу наречь иначе!

– Пусть будет по-твоему!

– Пусть говорит, лучше Боранбая о конях не скажет никто!
– зашумела толпа.

– Назовем его Кубасом! Подходит к его облику, – предложил Боранбай, продолжая любоваться конем.

– Как скажешь! – согласился Кабанбай, не раздумывая.

Боранбай еще раз обошел коня и подошел к Кабанбаю.

– Сейчас ему, наверное, года три. К пяти окрепнет окончательно. Пока седлать рано. Потерпи, пусть дойдет. Только что взяли из табуна. Возможно, одичает немного в незнакомом ему месте. Бери вместе с матерью.

Кабанбай поступил так, как посоветовал ему опытный знаток лошадей Боранбай. Взял вместе с матерью. С шести лет начал приучать к верховой езде. Не раз испытывал его силу в стычках с калмыками. И конь оправдал его ожидания. Всегда одерживал первенство на больших скачках, которые устраивались в роду аргынов, кереев и найманов, всякий раз подтверждая, что нет ему равных среди лучших.

Близилось время великих испытаний казахского народа.

Великое бедствие

Возможно, в это трудно поверить, но война казахов с калмыками продолжалась более ста лет. Это действительно так. Подчиняя казахов, калмыки стремились к господству в Средней Азии. А казахи старались дать достойный отпор. Война то утихала, то разгоралась с новой силой, изматывая силы народа.

Летом 1698 года хонтайчи Сыбан Раптан с многочисленной армией вторгся в пределы казахского ханства. Напав на приграничные казахские аулы в долине рек Чу и Таласа, жестоко их разграбил, увел в плен более десяти тысяч человек и унес значительное количество награбленного. Мало того, калмыки стали совершать военные походы в Китай. В 1703 году Еженхан Канси высказался по этому поводу:

– Сыбан Раптан очень сильно зарвался с тех пор, как одержал победу над казахами. Даже нам стал угрожать. Следовало бы проучить его.

В 1717 году казахское войско потерпело крупное поражение при битве на реке Аягоз. Калмыки стремились окончательно утвердить свое господство на казахской земле. Поражение казахов было связано с провалом реформ, проводимых ханом Аз-Тауке. Он разделил казахский народ на шесть улусов и отдал правление в руки биев. Жузы перестали подчиняться единой ханской власти, как это было во времена ханов Тауке и Касыма. Об этом Сыбан Раптан был осведомлен лучше, чем кто-либо. Главный калмыцкий военачальник определил своих врагов в лице России и казахов, как чужеродных тюрков. Он хорошо понимал, что достичь победы можно не только числом, но и умением, а также оснатив армию современным оружием. Он с алчностью поглядывал на богатые и обширные казахские земли. И вот удобный случай представился.

В середине лета 1715 года русский отряд во главе с подполковником Бухгольцем вышел из сибирского города Тобол,

чтобы разведать земли вдоль реки Иртыш. К осени, разбив лагерь у озера Жамши, русские начали строить оборонительную крепость. Калмыцкий хонтайчи, внимательно следивший за каждым шагом русских, почувствовал угрозу.

С началом зимы десятитысячная армия во главе с калмыцким военачальником Серен Дондобом осадила крепость. В 1717 году, разбив спешивших на помощь дополнительные силы русских, он выгнал Бухгольца из крепости. От трехтысячной русской конницы мало кто уцелел. Калмыки взяли пленными около ста человек, а также захватили много огнестрельного оружия. Среди военных трофеев и пленных был шведский офицер Ренат, служивший в русской армии. Он пользовался особым уважением и доверием джунгаров, несмотря на то, что назывался пленником. Причина была в том, что он показал джунгарам, как лить пушки из расплавленного железа и изготавливать огнестрельное оружие, а также научил европейскому искусству ведения боя. Ренат и другие русские пленники за четырнадцать лет изготовили сорок пушек. Так над казахским народом нависла серьезная угроза.

В конце 1722 года умер состарившийся китайский император Еженхан Канси. Его сын Юнь Чжэнь пришел к согласию с калмыками. Пользуясь этим обстоятельством, Сыбан Раптан бросил обученную в боях с китайцами сотысячную армию на казахскую землю.

В 1718 году на место почившего Кайып-хана народ избрал его бездарного сына Аз-Тауке – Болата, не отличавшегося ни познаниями, ни волей. А хан Абулхайр, обладавший не только сильным характером, но и военным опытом и популярностью, оказался отстраненным от власти. Обезглавленному и обессиленному в многочисленных кровавых стычках с калмыками казахскому народу ничего не оставалось, как бежать от жестокого врага. И только отчаянные батыры Богенбай и Кабанбай давали отпор, нанося значительный урон калмыкам, но их сражения были единичны. Так началось великое бедствие народа, известное как *«Ақтабан шүбырынды, Алқакөл сұлама»*.

Казахи, насчитывавшие к тому времени чуть более двух миллионов человек, в эти тяжелые годы потеряли почти половину.

Оставив города Туркестан, Ташкент, Сауран, а также большую часть южных земель, спасаясь от врага, они нигде не могли найти себе пристанища. Беженцы пересекли Мавераннахр и устремились в центральную часть страны. Не задержавшись в Великих степях, живым потоком двинулись на запад. Обескровленный народ добрался до берегов рек Жем и Жайык.

Караваны горя спускаются с гор Каратау,

Возле каждого каравана уныло плетется

Сиротинушка верблюжонок.

Как тяжело лишиться сестрички,

Крупные слезы застилают глаза, —

так начинаются строки горестной песни «Елим-ай» о безумном отчаянии народа, которую память веков донесла до наших дней. Но казахи — удивительно жизнестойкий народ.

Несмотря на великие невзгоды и лишения, он нашел в себе веру, давшую силу вновь отвоевать свои земли.

Известно, что первое сражение против калмыков состоялось в Сарыарке, у реки Буланты. Эта битва показала, что дух народа не сломлен.

Когда сын наступает на пятки...

Время не властно над помыслами и поступками людей. До конца жизни Кабанбай был верен своим словам, сказанным на совете в Сарысу в ставке Абилмамбет-хана:

– Что могу сказать, хан! Нет у казаха другого богатства, кроме земли, доставшейся от предков. «Если враг потребует коня, – отдай, не жалея о том. Проси милости у *Қамбар-ата*¹, он даст тебе другого тулпара. Если враг отнимет жену, не горюй. Земля взрастит другую. Только не уступай врагу ни пяди земли, ибо она кормилица и колыбель твоя», – такой завет оставили нам наши мудрые отцы и деды. Детям калмыков, родившимся на нашей земле, уже по двадцать. Разве они не заявят о своем праве на эту землю? Не знаю, как другие, но этим же летом я поведу род найманов на восток, в родные края.

– Хочешь отправиться во вражеское логово?

– Враг не дремлет! Что если он неожиданно нападет на караван? – посыпались со всех сторон вопросы.

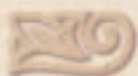
– Привычный враг хорош для перестрелки! Поселимся ближе к границе, чтобы лучше знать о его планах.

Жанибек, главный батыр рода Абак Керей, поддержал Кабанбая.

– Пусть Аллах благословит ваши дела! – напутствовал старый Бухар-жырау.

Кабанбай глядел на воинов и вспоминал добрые пожелания тех, кто поддержал его решение. Перед ним стояли в полном боевом снаряжении brave жигиты: брони-безрукавки и шлемы, стальные мечи и походные сумы, закинутае за плечи – все говорило о боевой готовности. Это был трехтысячный отряд охраны, сопровождавший караван и скот.

¹*Қамбар-ата* – покровитель коней.

Из Шынгыстау присоединился отряд Еспембет-батыра с пятьюстами жигитов. Разведчики вернулись из предгорий Баркетбея еще вчера.

– Не встретили ни одной калмыцкой души! – радостно доложил батыр Баймурат.

– Все равно будьте бдительны! – предупредил Кабанбай.

Главный сардар, желая узнать, как ведется подготовка новобранцев, напрувил коня вниз. Командиры, увидев скакавшего к ним Кабанбая, спешили, строя свои отряды. И вдруг по степи разнеслось:

– Слава батыру!

– Кабанбай! Кабанбай!

– Храни, Аллах, Кабанбая!

Каждый отряд был сформирован по родовой принадлежности. Кабанбай-батыр задерживался перед каждой сотней, интересуясь подготовкой и настроением молодых воинов. Большинство новобранцев состояло из юнцов, у которых едва пробивался пушок над верхней губой. Но встречались и опытные, закаленные в бою жигиты. Боевые доспехи у аламанов были дедовских времен. У одних *бадана*, у других *көбе*, заржавевшие *кіреуке*. У некоторых вместо кольчуг только *киізтұтқыр* и *сіріқяң*¹. Шлем имел только каждый третий, из оружия – копья, шокпары, топоры, сабли и щиты, у многих только лук и стрелы. Вместо боевых коней у отдельных – жалкие клячи.

– Эй, жигиты! Вы забыли, что старая кляча хуже худого воина? Коль вы мужчины, неужели не смогли найти коней по лучше? Разве забыли казахи обычай предков или смирились с бременем смутного времени?

Обойдя строй, главный сардар вызвал Даулетбая.

– Где род Жумыков? – грозно спросил он.

– Отпросились на той... – растерялся тот.

– Хороши воины! Одни ушли на той, другие на поминки! А кому защищать, когда придет враг?

¹*Бадана, кіреуке – боевые доспехи казахов. Они имели форму железной рубашки, свитой из мелких или крупных металлических колец; көбе – чешуйчатый панцирь из металлических пластинок, скрепленных между собой ремешками. Киізтұтқыр, сіріқяң изготавливались из толстой кожи, поверх которой нашивались большие железные пластины.*

– Сардар-ага, может, послать их к калмыкам раздобыть лошадей?

– Это все, на что ума хватило? – неожиданно вспыхнул Кабанбай. – Не в состоянии набрать сотню воинов в полном снаряжении, а все туда же, умничать...

Даулетбай поник головой.

– Давай посмотрим, как упражняются воины! – сказал Кабанбай сопровождавшим его воинам. Даулетбая он ругал для вящей строгости, по принципу «ругаю дочь, чтоб сноха знала», дабы молодые не распустились и соблюдали дисциплину. В душе Кабанбай искренне радовался, видя, как горят огнем глаза молодых воинов, как высок их боевой дух и как полны они решимости сражаться.

Кабанбай, наблюдая в стороне за действиями двоих сарбазов, натянул поводья Кубаса.

– Эй, в шлеме, не отступай! – раздался чей-то голос. – Так, так надо бить... Молодец!

Сражающиеся новобранцы были совсем юными. Тот, что пониже ростом, заметно теснил долговязого. Движения быстрые, почти неуловимые.

– Это я учил Кенже биться мечом! – похвалялся один из сарбазов.

– Колбай силен в метании копья! Он шутя одолел бы своего противника! – с чувством ущемленного самолюбия заступился за высокого рыжий великан.

Не успел он договорить, как Кенже быстрым движением выбил из рук долговязого меч и приставил к его груди свой.

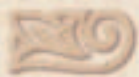
– Молодец! В бою побеждает не сила, а ловкость и отвага! И с врагом в бою будь таким! – воскликнул Кабанбай, подняв правую руку, и, пришпорив коня, тотчас спустился к ним. Молодые воины не ожидали увидеть главного сардара и выпалили почти одновременно:

– Здравствуйте, сардар-ага!

– Будьте здоровы, батыр-ага!

– Тренируемся, ага!

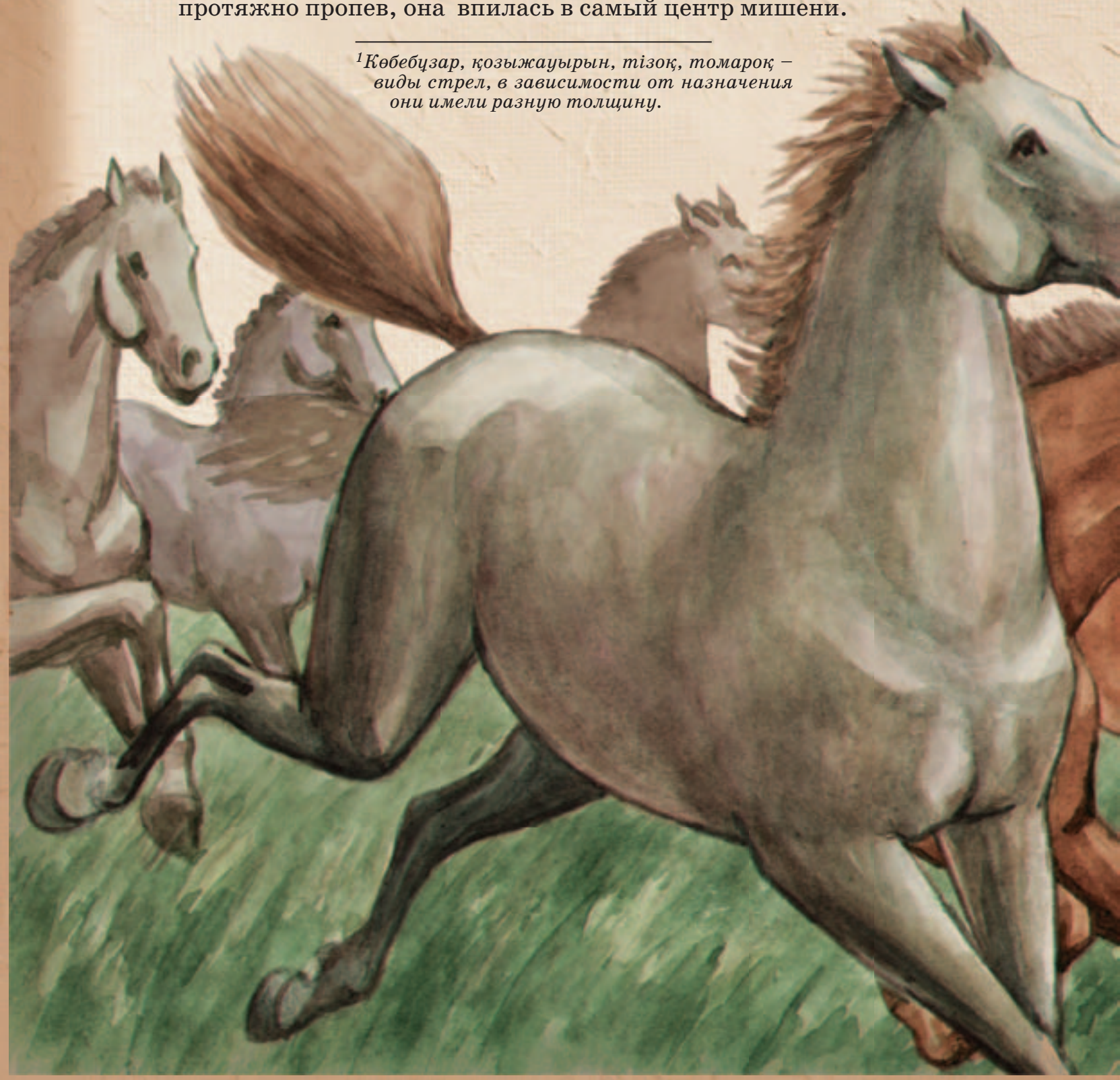
В прямом взгляде коренастого жигита чувствовались сила и уверенность.

- Ну-ка, покажите, какие у вас стрелы?
- *Көбебұзар, қозыжауырын. Кое у кого тізоқ, томароқ¹.*
- На Балхаше *тізоқ* берут для охоты на птиц!
- Хорошо! Посмотрим, каков стрелок? Возьми цель!

На высокий столб была натянута служившая мишенью выделанная козья шкура с помеченным кругом посередине. Кенже не растерялся. Отойдя поодаль, присел на одно колено, натянул на всю длину рук тугую тетиву и пустил стрелу. Гулко и протяжно пропев, она впилась в самый центр мишени.

¹*Көбебұзар, қозыжауырын, тізоқ, томароқ – виды стрел, в зависимости от назначения они имели разную толщину.*

– Молодец! – похвалил Кабанбай. – Всегда будь таким метким!

Главный сардар повернулся ко второму жигиту. Стоит, насупившись, с опущенной головой, словно стыдясь своего поражения.

– Ну же, подбодрись! Не горюй, еще отыграешься! Запомни: не сила побеждает в бою. Воля, упорство, умение, огонь мести в глазах – это должен почувствовать враг, – подбодрил его Кабанбай.

– Понял, сардар-ага! – воодушевился сарбаз. А Кабанбай тем временем поднялся на холм, окинул взором местность.

– Э-эх, Аллах, благослови мой народ!

Какие только испытания не выпали на его долю! Отступая, казахские войска дали два больших сражения джунгарам. Одно в 1728 году в низовьях Сарысу на западном берегу реки Буланты. Другое – к югу от Балхаша в местечке Аныракай. Оба увенчались успехом.

– ... Не будь этих побед, кто знает, смог бы казахский народ избежать полного разгрома и найти в себе силы для отпора? Враг стал более осмотрителен, боясь, как бы самому не оказаться в положении осажденных. Н-да, если бы джунгарам позволили объединиться с волжскими калмыками, то, отдав Сарыарку, казахи, возможно, утратили бы навсегда свои земли. Однако Аллах милостив! Но как изжить у казахов болезнь, имя которой тщеславие? Только выделится кто-нибудь умом, силой, как сразу начинает рваться к власти. Когда же мы начнем осознавать себя частью единого казахского народа? И детей разве не должны мы воспитывать в таком же духе, помня наказ предков: «Если у шестерых согласия не будет, из рук уйдет добыча, если в ладу будут четверо, достанут добычу даже с неба»? Когда перестанем делиться на жузы?

Вот и Абулхаир возглавил битву на реке Буланты. В этом сражении наряду с войсками султанов Самеке, Абилмамбета, Кокжал Барака участвовали со своими отрядами батыры Санырак, Богенбай, Жанибек Шакшак, Тайлак. Враг был повержен. Аныракайская битва тоже показала боеспособность казахов. Однако славу побед омрачила свара за ханский трон. В это время умер хан Болат. Абулхаир обиделся, что его не провозгласили Великим ханом и, уходя, увел войска Младшего жуза.

Казахская земля была поделена на владения. Толе-би и Жолбарыс-хан признали вассальную зависимость от калмыков. Абулхаир начал вести переговоры с Россией. Под знамя Абылая стали стекаться значительные силы казахского народа. Да, прав Абылай-хан в том, что прислушивается к мнению каждого батыра, и его решение – это решение большинства, – размышлял Кабанбай, как вдруг его думы прервал топот коней.

Он невольно оглянулся и увидел двух всадников, только что присоединившихся к его отряду. Это был его младший сын Али – подросток пятнадцати лет – и Шагалак, ровесник

Кабанбая. Юноша, придерживав пятилетнего гнедого скакуна, быстро перешел с галопа на рысь и еще издали приветствовал отца.

– Благополучной кочевки, отец!

И конь под ним взвился на дыбы, как бы в знак приветствия.

– Благослови Аллах твои слова!

– Пусть ангел говорит его устами!

– Это Али? Какой батыр удался!..

– Как быстро летит время! – слышались возгласы отовсюду.

Все притягивало взоры в подростке: ладно сидящая кольчуга, надетая поверх белого кожаного панциря, блестящий на солнце шлем, большой лук, закинутый за плечи, *қалқан*¹ на запястье, кривая сабля у пояса, кинжал с длинной рукоятью за голенищем. Быстрота движений, гордая осанка, молодцеватая посадка, прямой взгляд – весь облик и одежда молодого жигита невольно вызывали всеобщее восхищение. Прискакал, словно вызывая кого-то на поединок.

Кабанбай улыбнулся, увидев сына в полном боевом облачении.

– Что так вырядился, сынок, будто в бой собрался? Враг еще далеко. Во всеоружии не тяжело ли?

– Оружие – это не приданое невесты, чтобы держать его в сундуке! – ответил Али без тени смущения. – У жигита всегда при себе должны быть *бес қару*².

– Успеешь! Еще нужно подрасти! – сказал Кабанбай, слегка подтрунивая над сыном.

– Скажете еще! Вы сами в таком же возрасте отомстили Улже! – быстро последовал ответ.

Кабанбай, не сдержавшись, рассмеялся.

– Эй, Шагалак, сдается мне, не твоих ли рук это дело?

*Құрдас*³, зная, что разговор так или иначе коснется его, не растерялся:

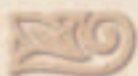
– Отец – Кабанбай, *нағашы*⁴ – Малайсары. Благодарю Аллаха, что сын не родился вместе с копьем! Лучше оцени наряд

¹Қалқан – щит от стрел.

²Бес қару – пять видов оружия, которые обязан иметь при себе воин.

³Құрдас – ровесник.

⁴Нағашы – родственники со стороны матери.

сына и скажи, какой *байгазы*¹ мне приготовил за это? – ответил Шагалак, привычный к словесным состязаниям с батыром.

– Э-эх, хитрый ты, Шагалак! Чего это, смотрю, отмалчивается? Теперь понятно, что ты надумал. Пусть *байгазы* за снаряжение Али будет *атан*², – сказал Кабанбай, смеясь.

– Но дело, видно, не только в байгазы, – успел подумать он, заметив, как сын исподлобья поглядывает на Шагалака.

Курдас не заставил себя долго ждать:

– Али хочет быть в составе аламана³ и пришел за Вашим благословением. Только что получил разрешение матери.

Раздались возгласы одобрения. Натянув поводья, воины приостановились. Со всех сторон слышались добрые пожелания юноше.

– Вот так жигит!

– Пусть удача сопутствует его добрым начинаниям!

– Дай бог одолеть горы!

– Пусть повезет в бою!

¹*Байгазы* – подарок за смотрины чего-то нового.

²*Атан* – четырехлетний верблюд.

³*Аламан* – род войск.

Отеческая забота о сыне – неписанный закон. Кабанбай, немало подумав, обернулся к Актанберды.

– Вы всегда были добрым прорицателем. Благословите моего сына!

Жырау не стал мешкать. С камчой, свисавшей с запястья, раскрыв ладони как для молитвы, громко произнес:

*Пусть бог хранит,
Направляя на правильный путь!
Пусть ангел Ғайып¹ и сорок святых ангелов
Покровительствуют тебе!
Пусть враг в бою
Плененным будет тобою!
А род калмыцкий весь
Удачу забудет вовек!
Пусть ханша подругой верной
Сопровождает весь жизненный путь!
Будь смелым, как отец Дарабоз,
Оберегающий свой народ!
Аллауакбар!*

Отец выслушал всё это в сильном волнении.

– Пусть ваше благословение примет бог, да молвят вашими устами сами ангелы! – сказал он дрогнувшим голосом. – Ну, сын, удачи тебе! Занимай свое место в отряде Даулетбай-батыра! Слушайся его во всем! Чтоб не краснеть мне за тебя...

И молодой батыр поскакал в западном направлении.

Вот что значит, когда сын наступает на пятки. Ты стал сегодня воином... Только бы помыслы были чисты, а в груди пылал огонь высокой чести. Не урони ее, лучше уж смерть. Удачи тебе, молодой батыр... Ты теперь принадлежишь народу...

¹Ғайып – ангел-хранитель, сопровождаемый сорока ангелами.

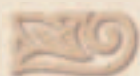
Ханский совет

С тех пор, как Кабанбай стал главным сардаром казахского войска, прошло немало лет. Сколько выиграно сражений, сколько пролито крови! Хан Младшего жуза Абулхаир был убит Бараком. Закончилось их давнее соперничество. Сын Абулхаира Нуралы не очень-то озабочен мстью за смерть отца: его больше беспокоит, как не допустить Барака на ханский трон Старшего жуза. По совету союзников, он начал переговоры с калмыками о сватовстве своей сводной сестры Намруны, дочери Абулхаир-хана от калмыцкой княжны, за Цеван Доржи. В качестве калыма за невесту он запросил Туркестан. А вторым условием выдвинул убийство Барака. Однако Цеван Доржи погиб в 1750 году от рук брата. Но все же Нуралы добился своей цели.

Накануне решительного сражения Барак-султан собирал разрозненные казахские войска Старшего жуза, лелея в душе надежду на ханский трон. Однако и его жизнь неожиданно оборвалась. Камалиден-кожа, верный человек хонтайчи, пригласил султана погостить в город Карнак и подсыпал ему яд. Так погиб знаменитый батыр. Это была тяжелая утрата не только для Абылай-хана, но и для всего казахского народа.

На высоком холме к востоку от реки Кенгир собрались на совет представители только трех знамен, в числе которых были батыры, бии и сам Абылай. Решали, как объединить силы трех жузов под семь знамен и дать сражение сразу в трех направлениях. Мнения разделились. Одни предлагали обойти озеро Балхаш, перейти реку Аягоз, затем, разделившись на две части и ведя бои в двух направлениях – западнее ущелья Баркетбел и вдоль берегов Алакол и Емил, – отбросить врага за Токта Барлык.

Кабанбай предложил иной план. Главный сардар напомнил, что южные земли охвачены пожаром. Пятнадцатитысячная армия хонтайчи Сайын-Болека громила аулы и поджигала дома

мирных жителей юга. Это известие донесли вестовые Толе-би. Каракалпакский батыр Кылышбек просит помочь своему народу, живущему в верховьях Сырдарьи. Поэтому надо освободить от врага Каратау, Туркестан и города на реке Сыр. Более того, подлого убийцу Барака следует наказать у всех на виду.

– А ты-то, Дарабоз, почему сам далеко уехал, не наказав прежде врагов в сердце родины? – съязвил Абылай, оборачиваясь к Кабанбаю.

Главный сардар не смутился.

– Если Каратау – самое сердце народа, то Туркестан – его колыбель, а земля Сыра – его песня! Когда эти три края в руках врагов, мне не понять, почему вы настаиваете отвоевать лишь пядь казахской земли. Почему калмыки облюбовали южные земли? А все потому, что богатство и дух народа там! Старший жуз и каракалпаки терпят унижения каждый день. Если не окажем им помощь, какая польза от ханской власти? Что бы ни случилось, я поворачиваю своего коня на юг! – закончил он, покрывшись от волнения багровыми пятнами.

– Дарабоз прав!

– Верно говорит Кабанбай! – раздались голоса.

В это время Бухар-жырау дал волю своей домбре, излив в ней знаменитое *толгау*¹.

– *Эй, Абылай, Абылай!*

Ты был юн в летах,

Когда встретились мы.

Забыл неужто, что к ханству путь

Ты начал в Туркестане,

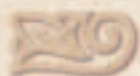
Служа правителю его,

Абилмамбету хану?

В бегах был, скрываясь

Табунщиком у Толе уйсунув.

¹*Толгау – поэтические раздумья.*

*В двадцать пять вошло
На белой кошме твое солнце.
На золоте престола
Познал ты счастье и власть.
А ты, бесстрашный Богенбай,
Когда б ты раньше Кабанбая
С врагом сражался, жизни не щадя?*

Закончив, он продолжил:

– Как ни велика обида, но кто отдаст на растерзание врагам своего кровного брата? Самый старший из нас – Толе-би. Стыдно перед старцем! Мой совет – идти в поход с благословения уважаемого аксакала. Я принимаю сторону Дарабоза.

– Ты прав, как всегда, мой старый друг! Ты выправил накренившееся судно! – сказал хан Абылай, восседая на троне.

Большинство сошлось на том, что два тумена Кабанбая отправятся на юг ранним утром. Правое крыло возглавит батыр Малайсары, левое – старший сын султана Барака – Ханбаба. Конечно, нельзя оставлять тыл без охраны. В Сарыарке останется батыр Жанибек Шакшак. Десятитысячная армия разобьет лагерь на реке Аягоз.

Так началось освободительное движение казахского народа. То был август 1751 года.

Снова в поход

В этот поход Кабанбай отправился вместе с семьей. Многочисленное войско идет вдоль реки Сарысу на Туркестан, чтобы освободить южный край от врага, вновь вернуть Ташкент и Сайрам.

Только что Кабанбай-батыр вместе с Малайсары и Ханбаба, а также другими батырами подъехали к обозу, в котором главным казанши был его курдас Шагалак. Должность казанши пользовалась особым почетом в армии. В его ведении находилось все войсковое хозяйство, сохранность скота, походная кухня. Шагалак угощал гостей куырдаком, приготовленным из баранины, душистым густым кумысом. Вечером гостям подали *кәмбе* из мяса горного архара, добытого утром охотниками.

Кәмбе – это лакомая походная еда кочевников. Для ее приготовления не требовалось много усилий и времени: ни воды, ни котла, был бы только огонь. Из заколотого барана или дичи вынимались внутренности, отрезались конечности. Затем тушу зашивали и закапывали в горячие угли костра, чем их больше, тем быстрее готовилось мясо.

Кабанбаю припомнился забавный случай, произошедший накануне Аныракайской битвы.

Целыми сутками напролет шел сильный дождь. Промокнув насквозь, он с несколькими жигитами решил остановиться на ночлег в старом полуразрушенном от времени мавзолее. Надо подсушить одежду и приготовить ужин. Кабанбай послал батыра Баймурата и Берикбола насобирать сухих дров. Но вот беда: кругом такыр, никакой растительности, кроме ковыля. Жигиты вспомнили, что в полуверсте находится обнесенная деревянной оградой могила. Неплохо бы взять дров оттуда. Как решили, так и сделали. Разобрав часть ограды, друзья принялись связывать жерди, как вдруг из могилы раздалось: «Эй вы, неверные! Вам мало грабить живых, теперь взялись за мертвых? Быстро убирайтесь отсюда, пока не разгневали Аллаха!» И тут же показалось привидение в белом одеянии. Друзья вначале подумали, что все это почудилось? Но ведь они отчетливо слышали голос! Не растерявшись, батыр Баймурат вынул из ножен свой меч и крикнул:

– А ну, убирайтесь прочь! Думаете, только вам, аруахам¹, холодно, когда сам живой Кабанбай умирает от стужи? А ну-ка, живо в могилу! И лежите себе спокойно, пока батыр не разгневался!

¹*Аруахи – духи предков.*

Аруахи вдруг бросились врассыпную и исчезли так же внезапно, как и появились. Но, подойдя к мавзолею, Баймурат и Берикбол слышали веселый хохот. Жанибек и его друзья, перебивая друг друга, рассказывали об этом так живо, будто сами видели в этот момент их лица.

Кабанбай, улыбаясь, подошел к Баймурату и крепко обнял.

– Настоящий батыр, родной! Отчаянный храбрец, как и прадед. Сказать аруахам, что не только вы, но сам живой Кабанбай умирает от холода, мог только настоящий батыр! – с теплотой в голосе произнес он, сжимая его руку.

А на самом деле это были проделки друзей. Жанибек из рода керей, будучи курдасом Баймурата, любил всячески его разыгрывать. Поделившись задумкой с Кабанбаем, он с друзьями сразу поспешил к мавзолею, и когда Баймурат пришел за дровами, они уже прятались внутри могилы.

Улыбаясь своим мыслям, Кабанбай с аппетитом ел сочное мясо, приготовленное способом *кәмбе*. Будут ли помнить потомки традиционную походную еду кочевников?

В это время померкло созвездие *Үркер*¹. В лагере уже ждали Кабанбая гонцы.

– Путь свободен! В предгорьях Каратау врага не видно! – сообщили они.

Едва забрезжил рассвет, раздались ухающие звуки карная, возвещающая о том, что пора выступать в поход. Многочисленный отряд, минуя Созак, достиг Туркестана. Два тумена армии Кабанбая соединились на реке Арысь с пятитысячным отрядом сарбазов Старшего жуза во главе с Наурызбаем из рода Шапырашты.

Еще до полудня на горизонте показалась густая пыль. Со слов ойратских пленников, военачальник калмыцкой армии Сайын-Болек укрепился на подступах к Ташкенту. А этот, устроивший «веселую пирушку» на Сайраме, с пятью тысячами воинов есть сын известного своей жестокостью нояна Сары Манжы – Намеку-Жыргал. Как дикий кабан, самоуверенно скачет он напролом, не встречая на пути достойного сопротивления. Полагает, видимо, что перед ним лишь небольшой отряд Старшего жуза отступает на запад.

¹Үркер – созвездие Плеяды.

Калмыки уже принялись занимать боевую позицию.

– Пусть враг не знает, что два крыла армии находятся в засаде. Пока они подоспеют, устроим поединок, чтобы выиграть время, – предложил главный сардар Наурызбаю.

Рассчитывая на легкую победу, из строя выдвинулся ноян с двумя нукерами и сразу же перешел на гортанный крик:

– Я разве не предупреждал вас: не приближайтесь к Ташкенту и Сайраму? Если будете и дальше вести себя так, то не видать вам и Туркестана!

Жигиты Старшего жуза сразу узнали в нем калмыка Намеку-Жыргала.

– Это же он самый, новый правитель Сайрама!

– Распоясался совсем! Не показать ли ему его место? – спросил Наурызбай.

– Нет, погоди! – охладил его пыл батыр Елшибек и, пришпорив коня, сам выскочил на середину.

– Пес шелудивый, не болтай лишнего! Лучше выходи вперед! Отрежу твою поганую голову! – громко крикнул он.

– Эй, кайсаки, вы что, вздумали сражаться? Не верю своим ушам. Откуда взялась у вас такая удаль? – издевался калмыцкий ноян.

– *Жекпе-жек*¹! Что, испугался? – выкрикнул Елшибек, играя копьём.

У сайрамского правителя не осталось другого выбора, как принять вызов. Отъехав на значительное расстояние, оба развернулись друг к другу, держа наперевес свои копыя.

– Карасай-Карасай!

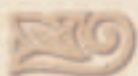
– Ак жол! Абылай!

– Кабанбай-Кабанбай!

Трижды метнув копыя, они схватились врукопашную. Силы оказались равные. Теперь все зависело от стойкости и упорства каждого. Конь калмыка оказался более напористым. Резко взметнувшись вверх, он со всей силой ударил передними копытами в грудь Каракера коня Елшибека. Тот, не выдержав мощного удара, упал на бок. Все зашумели.

– Эх, пропал! – воскликнул главный сардар.

¹*Жекпе-жек* – поединок.

– Эх, какая досада! Угораздило выйти на таком коне! – огорчился Наурызбай.

Калмыцкий ноян злорадно рассмеялся. Развернувшись и пришпорив коня, он понесся на Елшибека, который тщетно пытался выпутаться из стремени и теперь был для него легкой добычей. В этот отчаянный миг на поле боя выскочил батыр Еспембет. В руках только меч и калкан. Намеку-Жыргал, не предвидя этого, схватился за копье, но не успел метнуть, как брошенный сильной рукой меч Еспембета, сверкнув на солнце, снес шлем вместе с головой калмыка.

– Вперед! – скомандовал Наурызбай.

Подошедшему к ним Елшибеку Кабанбай сказал, утешая:

– Не отчаивайся, вина не твоя, а твоего коня! Радуйся, что жив остался! Война есть война!

– Спасибо тебе, батыр Еспембет! – поблагодарил Елшибек.

Южный поход Кабанбай-батыра был особенно удачным.

Эта победа положила начало освобождению казахских земель.

В сражении под Ташкентом была наголо разбита калмыцкая армия, возглавляемая Сайын-Болеком. Казахские батыры пытались взять в плен вероломного убийцу. Но удалось им это сделать только при взятии Ташкента. Сайын-Болек не отрицал своей вины в убийстве торе Барака, но и прощения не стал просить. Суд биев вынес справедливое решение. Его привязали к лошади и пустили волоком в степь.

Казахские отряды преследовали врага до самых предгорий Баркытбея и Алтая. В поединках и во время сражений от рук Кабанбая и Наурызбая погибли известные калмыцкие нояны Каскелен и Шамалхан. Потерпев поражение, калмыки ушли в сторону Китая. Но там их тоже не ждали. Для китайской империи было на руку крушение джунгарского государства. Зная о притязаниях России на эти земли, китайский император Цянь Лунь, захватив в 1755 году Джунгарию, перерезал всех джунгаров вплоть до младенцев. Так исчез с лица земли целый народ.

Теперь Казахское ханство оказалось лицом к лицу с Китайской империей.

Война с шуршитами

В своем послании китайский император предупреждал хана Абылая: «Казахи, вы долгие годы сражались с ордой ойратов. Теперь ойраты в наших руках. Теперь они не опасны и не будут вас беспокоить. Если вы примете наше покровительство, то получите почет и уважение. А хотите жить самостоятельно, неволить не будем. Если набегамы будете нарушать нашу границу и спокойствие и дойдете до кровопролития, вините себя. Придется ввести армию и наказать вас!»

Кроме этого он потребовал выдачи предателя своего народа Амирсану, желавшего управлять джунгарами. Амирсана – джунгарский престолонаследник знатного рода. Распираемый ненавистью к захватчикам своей родины, он теперь просил помощи у казахских правителей. Амирсана приходился тестем Кабанбай-батыру. Вот почему в послании императора «предателю» оказывалось такое внимание.

Это письмо стало поводом для созыва нового курултая казахских правителей. Совет прибывших со всех концов страны батыров проходил в местечке Тоқыраун. Выслушав каждого, Абылай тяжело вздохнул:

– Видно, не скоро суждено нам сбросить тяжкое бремя. Только улеглась боль от потерь в лихую для народа годину, как близится новое смутное время.

– Сегодня захватил землю соседа, завтра позарится на твою. Объяснять недвусмысленность этого письма не стоит, итак все ясно. Не для того мы сражались полвека, чтобы отвоеванные кровью земли отдавать Китаю. Если надо, мы будем насмерть стоять за нашу землю! – сказал Кабанбай.

Наконец, сошлись на том, что если китайцы придут захватывать новые земли, войну принять, а что касается выдачи человека, который просит защиты, на то у казахов есть древний обычай гостеприимства – не выдавать. Посол, прибывший

вслед за письмом, ускакал недовольный ответом. Для Циньской империи это было лишь поводом начать войну за казахские земли. Спустя некоторое время стало известно, что часть китайской армии стоит близ города Жаркента, а другая направилась к Джунгарским воротам.

Стоял конец июня – начало летней жары. Было решено дать сражение армии генерала Дарданы у Каратала.

Предраассветная мгла. Сказывают: перед началом боя белый стяг Кабанбая колеблется, словно на нем оживают духи предков. Так произошло и в этот раз.

Восседая на Кубасе, Кабанбай обратился к воинам:

– Жигиты! Перед нами враг, которого мы еще не знаем, но смею думать, что победа будет за нами. Нападём со стороны ущелья и ударим в центр вражеского лагеря. Атаковать надо стремительно, чтобы раздробить его на части.

С этими словами он вырвался вперед. Утренняя степь огласилась многоголосым кличем:

– Абылай! Абылай!

– Кабанбай! Кабанбай!

– Акжол! Каптагай!

В мгновение ока враг был разбит. И вот пришел новый приказ.

– Прекратить преследование врага! Быстро занять исходную позицию!

Стало известно, что вторая китайская армия вышла из Джунгарских ворот и направляется в Каратал для воссоединения с первой.

– Не дадим объединиться врагу с основными силами! Нападём на армию генерала Хадахана и уничтожим ее! – призвал Кабанбай.

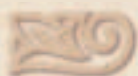
Китайцы понесли крупные потери, но и казахские войска редели. Погиб Малайсары-батыр. Тяжело пережил смерть соратника Кабанбай.

Несмотря на значительные потери, китайская армия продвигалась в глубь страны, рассчитывая взять количеством. Не составляло большого труда выманить шуршитов¹ на солончаки и уничтожить. Однако это не входило в планы Абылай-хана, и он решил выждать.

Желая отомстить за гибель Малайсары, Кабанбай без ведома Абылая, как ураган, пронесся по вражескому лагерю в местечке Акадыр. Абылай же тянул время, не давая приказа полностью уничтожить врага, ибо ждал возвращения посла, отправленного им к русскому царю за помощью. Но тот приехал ни с чем.

В начале сентября прибыл посол от генерала Дарданы. Тот просил разрешения вывести из страны китайскую армию. Абылай не заставил ждать с ответом.

¹Шуршиты – так в старину казахи называли каракитаев.

– Мы могли бы полностью уничтожить вашу армию. Но не такую цель мы преследовали. Передайте вашему правителю, что мы не хотим враждовать с великим соседом. Ваши войска, нарушив границу, вошли на тысячу верст в глубь страны и получили отпор. Наше условие таково: на пути отступления ваших войск ни одна травинка не должна пострадать.

Посол был вне себя от радости. Оставив убитыми почти половину своих воинов, армия каракитаев покинула казахскую землю. Беглец Амирсана отправился в Калка Монголию¹.

В следующем году в местечке Мамырсу в Аягозе прошел народный съезд.

– Мы согласны прекратить войну, коль враг сам просит о мире. Но нельзя терять бдительность. Армия должна быть в боевой готовности, – сказал Абылай-хан.

Кабанбай поддержал его.

В 1758 году был подписан договор о мире с китайскими военачальниками. Спустя время казахские послы во главе с шешеном² Куттыбаем были приняты во дворце китайского императора. Они заключили договор о мире, безопасности торговых караванов и беспрепятственной торговле близ границы.

Такая лояльность великого соседа была отвоевана силой оружия, в которой немалой была заслуга и Кабанбай-батыра.

¹Калка Монголия – название государства.

²Шешен – оратор.

Курултай в Туркестане

После падения Джунгарии и отпора китайским притязаниям казахские улусы наконец-то вздохнули свободно. Забыв на некоторое время о войне, растили без страха детей, наживали богатство. Кабанбай не покидал родной край, не считая поездок в Каркаралы и Сарысу на ханский совет.

Поглотив Джунгарию, Китай с невероятной жадностью бросился осваивать ее земли. Казахи тоже обживали приграничные территории. Несмотря на мелкие стычки, разрешавшиеся мирным путем, между соседями установилось относительное спокойствие.

И вновь курултай в ханской ставке. Большой неожиданностью стало решение провести его в Туркестане. Только Абылай-хану введома причина этого выбора.

За десять дней до курултая Абылай-хан прибыл в богатый Туркестан. С тех пор, как наладились отношения с Китаем, накопилось много вопросов. В казахские улусы Абылая и Абилмамбета зачастили русские послы. Была неожиданной благосклонность русских, вдруг проявивших интерес к делам в степи. Абылай-хану назначалось годовое жалование и предлагалась помощь продовольствием. Наметившаяся дружба с северным соседом не воодушевляла восточного. С опаской взирали на это правители Бухары, Хивы, Коканда. Все складывалось благополучно для казахов.

Общее благостное настроение подпортило безрассудство среднего сына Самеке – Есим-хана, возжелавшего выделиться в отдельное государство внутри страны. Не довольствуясь правлением в Шымкенте, он, разоружив горожан, засел в самом Туркестане. Абылай-хан, несмотря на благоволение к неразумному юнцу Абилмамбет-хана, приказал доставить

его связанного в ханский дворец. Суд биев постановил отнять у Есим-хана, самовольно правившего двумя городами, ханские полномочия.

Перед началом курултая Абылай-хан пригласил Кабанбай-батыра на прогулку в окрестностях города.

– Знаешь, Дарабоз! Я жизнью и нынешним положением обязан двоим. Моему названому отцу Оразу, которого я не успел отблагодарить за то, что он дал мне воспитание и кров, и хану казахской орды Абилмамбету. Он не оттолкнул меня от ханского дворца, признал своим. Никто, пока я жив, не посмеет поднять на него руку.

Кабанбай не сразу понял, к чему клонит хан.

– Дарабоз! Легко ли собрать шесть сыновей родственных народов под единое знамя? – спросил хан.

– Легче сказать, чем сделать, повелитель. Разбить всегда проще, чем объединить.

– И то правда, Дарабоз! Большие предстоят дела, не так ли?

– «Не будет внимания – уйдет жена, не будешь ходить за стадом – потеряешь богатство», – говорит народная пословица. Если сегодня не удержишь шесть народов, кто заручится, что завтра три жуза не захотят того же.

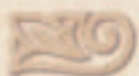
– Придется тяжесть вновь поделить пополам, чтоб легче было нести. Поддержишь меня, коли раздор? – спросил Абылай напрямик.

– До седин на голове были вместе, так на старости лет не пристало жить врозь и быть посмешищем. Я всегда был под вашим знаменем.

– Другого ответа я от тебя не ждал, Дарабоз! Великая удача, коль завтра на курултае поведем народ за собой.

– Благо там, где есть единство! – не скрывая чувств, ответил Кабанбай.

На следующий день в Туркестане состоялся курултай. Не обошлось без огорчений. Отсутствовал хан Младшего жуза Абулхаир. Он решил найти поддержку у русского царя. Как будто забыл народную мудрость: «Заводи друзей, но не ставь их дружбу выше родственных уз». Остальные были в сборе

– султаны Абилфеиз, Ханбаба, Жолбарыс, Даулеткерей, Уали; батыры Богенбай, Кабанбай, Ер Жанибек, Баян, Олжабай, Кокжал Барак, Баймурат, Оразымбет, Бухар-жырау; бии Бекболат, Боранбай, хриплый Куттыбай, Тобет, Есенгельды.

Курултай открыл сам Абилмамбет-хан.

– Мой народ! Рад приветствовать вас в добром здравии на священной земле Туркестана, – начал он, окинув с высоты своего трона прибывших на совет. – Исполнилось сорок лет со времен «*Ақтабан шүбырынды*».

Разбрелся народ тогда, не зная, где найти приют. Что же стало с тем грозным ойратом? Исчез с лица земли! Божья кара настигла! Теперь вот и нам пришло время решить, как жить дальше. Слово за вами! Кто хочет высказаться?

Некоторое время царила полная тишина.

– Пусть говорит Абылай! – сказал кто-то из глубины зала. Его право говорить.

– Как он думает объединить шесть народов?

– Почему на курултае не видно кыргызов, каракалпаков и других наших братьев? Будет ли справедливо говорить за их спиной?

Абилмамбет обратился к Абылаю:

– Говори! Народ ждет тебя!

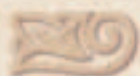
Абылай осмотрелся вокруг, втянув полной грудью воздух, начал свою речь:

– О, мой народ! Начну свою речь с вопросов. Наши предки – Акарыс, Жанарыс, Бекарыс. От них ведут свой род потомки трех жузов. Где младший из братьев? Народ, живущий под властью Кокандского ханства за правым берегом Сыра (Сырдарья), отделился от нас. Только слепой не видит, как каракалпаки ищут покровительства у Хивы. Кыргызские манапы с высокомерием держатся вдали от нас. Что остается делать?

Хан еще раз окинул взглядом присутствующих. Со всех сторон раздались возгласы:

– Как от врага спастись, так сразу родство припомнят, а в сытости родного отца позабудут.

– Заставим силой уважать родного брата!

– Свои три жуза держать бы в одной упряжке!
– Народ, разбежавшийся врозь – добыча врага, заблудшая овца – жертва шакалов!

– Спасаясь от смерти, не пристало бежать к могиле...

Абылай продолжил:

– Есть две стороны у этого вопроса. «Не плюй в колодец, из которого пьешь», – гласит народная мудрость. Еще бы ничего, если не уважили, а сколько раз пытались рыть яму нашему брату-казаху. Разве достойно братьям кыргызам хватать нас за ноги, когда враг держал за горло? Не хотят считаться с нами и правители Ташкента, Сайрама, Ходжента, Аккоргана, перестали платить *зекет*¹. Кыргызы разбойничают, грабят наши караваны. «Раб не помнит добра и не понимает жалости хозяина». Что сделали каракалпаки с Бори-султаном? Даже не думают откупиться. Тоже зазнались. Нет, не простим подобные дела! Русский царь начал искать с нами дружбу. Китай прислал посла, хочет наладить с нами отношения. Столицей Казахской Орды отныне станет Туркестан! Пришло время объединиться трем жузам! Остальное я беру на себя! – закончил Абылай-хан.

Вслед раздалось:

– Слава Абылаю!

– Пока воевали с дальним врагом, своих чуть не растеряли!

– Забыли кыргызы и каракалпаки, кто встал на их защиту!

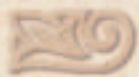
– Посмотри, как зазнались!

Абылай поднял руку, чтобы утихомирить всех. После этого выступил Ерназар-би.

– Для нас большая ответственность – перенос столицы Казахской орды в город Туркестан. Наша сила – в единстве! Наш предок Жалантос Бахадур, будучи батыром при дворе Бухарского эмира, выступил на стороне Салкам Жангира. Надо призвать к ответу Абулхаир-хана, нарушившего единство страны! – закончил он свою речь.

– Много слов не стоят одного дела. Пора действовать! – заключил батыр Кокжал Барак, переводя взгляд то на Абилмамбета,

¹*Зекет – земельный налог.*

то на Абылая. – В наше время признают только силу меча, а не добрых намерений. Поэтому надо определить начало выступления. Осень – самое подходящее время.

- Кокжал прав!
- Батыр говорит по существу дела!
- Кто не понимает слов, надо проучить силой!
- Палка научила и медведя читать намаз! – слышалось ото-
всюду.

Выступившие затем Бухар-жырау и прибывший от кара-калпаков Кылышбек-батыр поддержали общее мнение.

Так закончился курултай, поставивший целью собрать три жуза и объединить шесть улусов под единое знамя.

Туркестанский курултай проходил в 1763 году. Хотя на нем обсуждалось и дальнейшее обустройство мирной жизни, но главным стало объединение родственных народов. А чтобы это осуществить, все внимание обратили на юг.

Кыргызский поход

Было условлено, что отряды батыров Старшего жуза встретятся с основными силами за рекой Или, недалеко от местечка Алтын Емель. Не то гонцы сообщили неверно, не то по какой другой причине, но батыры запаздывали. Кабанбай, всегда любивший точность, прибыл чуть раньше. «Куй железо, пока горячо», – говорят в народе.

– Эх, как можно так тянуть время? – горячился он, с явным недовольством наблюдая за тем, как подтягивались один за другим нерасторопные отряды.

Кабанбай сидел возле шатра, погруженный в свои мысли. Его взгляд остановился на группе сарбазов, занимавшихся боевой подготовкой. И он невольно отметил, что слишком стар рядом с ними.

Оставшись наедине с Абылаем, Кабанбай поделился терзавшими его мыслями:

– Совет прошел. План похода обсудили! Пора возвращаться!

– Не понимаю тебя! – хан с удивлением посмотрел на главного сардара.

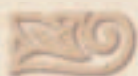
– Я уже не в тех годах. Семьдесят – немалый срок. Пришло время молодых батыров. Пора уступать им место.

– Нет, Дарабоз. Сейчас ты мне нужен как никогда. Чего стоит само твое имя для победы и то, что во главе казахского войска идет сам Кабанбай. Ты подумал об этом?

– Твои слова связали меня по рукам и ногам. Как же я нарушу свою клятву, если обещал, что всегда буду под твоим знаменем? Хорошо, остаюсь! – сдался Кабанбай.

– Я не ошибся в тебе! Имя «Кабанбай» будет воодушевлять армию! Вряд ли тебя вызовут на поединок, – сказал хан, хлопая батыра по плечу.

Подоспел Наурызбай, возглавлявший сарбазов из родов дулат, шапырашты, албан, суан.

– Спешили. У меня пока три тысячи сарбазов, остальные силы Старшего жуза догонят, пока армия будет идти по нашей земле, – оправдывался он, видя, что Абылай недоволен малочисленностью его отряда. – Даст бог, не оставим ни одного кыргыза по эту сторону Алатау.

– Что собираешься делать с Балдыбеком?

– Привяжем к хвосту лошади и пустим в степь предателя...

– Эка!

Кыргызский манап Балдыбек, перейдя на сторону калмыков, воевал против казахов, за что получил чин «нояна», а также обширные жайляу на Шонжы, Шарын, Кеген, Шалкоде. Теперь он надеялся на поддержку Коканда. По его примеру обратились к узбекам и двое сыновей Солты – Атеке и Жайил-хан. Даже вчерашний вассал Абылай-хана кокандский Ерденбек, как только дорвался до власти, стал высокомерен.

Только кыргызский манап Карабата не противился ханской воле.

Заслышав о походе Абылая, кокандский правитель отчаянно собирал силы для защиты Ташкента.

Недобрая весть в одночасье нарушила спокойную жизнь Балдыбека: «Враг идет! Сам Кабанбай Каракерей во главе войска Абылай-хана».

Балдыбека доставили к хану. Упорствовал Балдыбек. Не желал признавать ханскую власть и при этом не испытывал никаких угрызений совести за свое предательство. Даже смерть, казалось, не страшила его.

Казахское войско продолжило свой карательный поход по южным землям. Хотя Абылай и не желал кровопролития, но был решительно настроен покорить родственные народы, считая, что воюет за правое дело. Кыргызы встретили казахов как заклятых врагов и оказывали упорное сопротивление.

Неожиданно пришла весть о гибели двух казахских братьев Кокжал Барака и Шынкожа. Кабанбай рыдал, потрясенный случившимся. Что может быть горше смерти верных товарищей, погибших от рук врага. Особенно винил себя, что не возглавил поход, предоставив дело молодым.

И на сей раз, несмотря на настоятельные уговоры Абылая, Кабанбай наотрез отказался идти на Ташкент.

– Ты не раз воевал там. Никто лучше тебя не знает окрестности Ташкента. Ты сам должен повести туда войско.

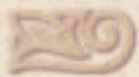
Однако Кабанбай был непреклонен.

– Нет, мой повелитель. Всею свое время. Сжигаемый жаждой мести, в шестнадцать лет я сел на коня. С тех пор не знал покоя. Пора бы и честь знать и уступить дорогу молодым. Казахам нет причины обижаться на Кабанбая.

Абылай-хан не стал настаивать.

– Ты прав, дорогой Дарабоз! Только дай благословение своим воспитанникам. Пусть будет удачен их поход без тебя.

Впервые Кабанбай испытывал такое волнение. Как он, главный сардар, будет жить без своего аламан войска? Не лучше ли умереть в походе вместе со своими соратниками?

Абылай-хан, чувствуя настроение батыра, обратился к воинам:

– Кабанбай был с вами все эти долгие годы. А теперь Дарабоз сардар приехал, чтобы дать вам свое благословение.

Батыр с трудом совладал с собой, глаза затуманились, ком подступил к горлу.

– Да здравствует Дарабоз!
– Благослови на удачу!
– Кабанбай! Кабанбай! Кабанбай!
Этот клич помог ему перебороть свои чувства.
– Братья мои! – обратился он. – Мое сердце всегда с вами!
Благослови вас Аллах, пошли удачу! Пророк Гайып и со-
рок ангелов, спаси и сохрани от неудачи! Да поддер-
жат вас аруахи! Пусть враг будет низвергнут

и растоптан! Будьте верны дружбе, беспощадны к врагам! Возвращайтесь с громкой славой победы! Аллауакбар!

На следующий день Кабанбай попрощался с Абылай-ханом. Молодые батыры Кокжал Барак, Шынкожа, Тауасар, Еспембет и другие проводили Кабанбая.

Теперь троих из них уже нет среди живых. Доблестный Кокжал Барак! Ты был достойный сын своего народа! Как не оплакивать Шынкожа-батыра! Он был ровесником его сына Байтоку и относился он к нему всегда как к собственному сыну.

Желание отомстить за смерть молодых батыров заставило Кабанбая вновь сесть на коня. Кыргызы отплатят за предательство!

Вместечке Тасыкол вооруженный семитысячный отряд батыра пополнился пятитысячной конницей Абылай-хана. Подстрекаемые кокандцами кыргызские отряды под предводительством Атеке и Жайил-хана вышли из долины Чу. Достигнув верховьев реки Аксу, они целым туменом двинулись на казахское войско. Потерпевший поражение и чудом спасшийся в Коканде кыргызский беглец теперь играл с огнем. Противники стали вплотную друг перед другом, ожидая начала боя.

На середину поля выехал воин в белых доспехах и блестящем шлеме. Гарцуя на своем коне, он держал в правой руке копьё, а в левой щит.

– Жекпе-жек! Жекпе-жек! – выкрикивал он, топчась на месте на игривом коне.

– Это же Атеке! – узнали его воины из казахского отряда.

– Он самый, главный манап Сарыагача!

По правилам, тот, чье имя названо противником, не имеет права отказываться от поединка. Не было недостатка в именах достойных батыров. В одном ряду стояли батыры Баян, Олжабай, Койгелды, Наурызбай, Баймурат, Даулетбай.

Абылай не успел назвать имя батыра, как нетерпеливый кыргыз опередил его:

– Пусть сам Кабанбай выходит на поединок со мной. Его считаю для себя достойным противником.

Абылай опешил. Не ожидал этого и Кабанбай, которому к тому времени перевалило за семьдесят.

Кабанбай, не торопясь, слез с Кубаса, молча надел доспехи, взял боевое снаряжение и вновь сел на коня. Батыры наперебой просили его:

– Позвольте мне, батыр-ага!

– Разрешите мне!

– Благословите!

Главный сардар не уступил.

– Я дорожу своей жизнью не больше, чем дорожили Кокжал Барак и Шынкожа-батыр. Я отомщу за них. Назвали имя – негоже отступить! Чему быть, того не миновать!

Все притихли. Позор для всех, если погибнет главный сардар. Батыры повернулись к Абылай-хану, их взгляды выражали немой вопрос: «Как же так, остановите поединок, пока не поздно!»

– Хан мог бы вмешаться, но не сделал этого, пусть! О, аруахи, не дайте умереть от позора на старости лет! – прошептав молитву, Кабанбай прищпорил коня и выехал на середину.

Кубасу в тот год исполнилось тридцать лет. Но по-прежнему он такой же легкий и резвый. Кабанбай объехал противника, высматривая слабое место.

– Несчастный, ты хоть понимаешь, на что толкаешь свой народ? Почему бы ни попросить тебе ханского прощения?

– Увидим еще, кто у кого будет просить прощения! – дерзко ответил Атеке.

– Зачем построил минарет на казахской земле? Такой ли ты смелый в бою, каким показываешь себя перед беззащитными! – вскипел Кабанбай.

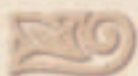
– Ты мне не страшен ни на том, ни на этом свете!

Кабанбай первый начал атаку. Все поле заполнилось ликующими возгласами, поддерживающими своих батыров:

– Кабанбай! Кабанбай!

– Манас! Семетей!

Эти призывы имеют особое свойство. Они придают уверенности, когда находишься на грани между жизнью и смертью, заставляют не только человека, но и животное стремительно бросаться на врага, выявлять слабые стороны противника, не допускать промаха. В противном случае враг не пощадит!

В это время человек превращается в хищного зверя: свирепый оскал зубов, круто сведенные брови, дыбом волосы. Одно мгновение – и он лежит мертвый. Какая жестокая жизнь!

Кабанбай напрягся, решив одним ударом покончить с наглецом. Кубас, чувствуя настроение хозяина, наострил уши и нетерпеливо бил копытами. Все случилось в мгновение ока. Кабанбай вихрем налетел на противника, поравнявшись с ним, резко вздыбил коня, и с налету метнул копые в самую глотку. Удар пришелся точно в цель. Проскакав немного, оглянулся и увидел, что Атеке бездыханно лежит на земле.

Первым вышел навстречу Абылай-хан. Как бы извиняясь, начал с ходу:

– Дорогой мой Дарабоз! Отправил тебя на поединок, но сам не свой был от страха за тебя!

– Видно, Аллах приготовил мне пройти это испытание в семьдесят три года! – ответил Кабанбай, вытирая со лба выступивший пот.

– Вы для нас живой пример, батыр-ага!

– Вот это было зрелище!

– Есть ли еще смельчаки выйти на поединок? – выкрикивали молодые батыры.

– Я отомщен! – сказал главный сардар вполголоса.

Покончить с остальными кыргызами не составило труда.
– Сбежали немногие, среди них сыновья Атеке – Карабек и Жантай, – донесли командиру.
– Где сам Жайил-хан? – спросил Абылай.
– Здесь. Взяли вместе с сыном! – ответил Еспембет-батыр.
После похода Абылай-хана и Кабанбай-батыра кыргызы признали ханскую власть.

Последнее сражение

Прошли годы с того последнего поединка. Кабанбаю нездоровилось. До сих пор ему даже от родных удавалось скрывать свое недомогание. Батыр осунулся, с каждым днем ощущая, как наливается тяжестью все тело и уходят силы. Болезнь все больше одолевала батыра. И это не могло остаться незамеченным. Батыр все чаще искал уединения. Жена Майсара велела поставить юрту батыра поодаль, дабы не тревожить его покой. *Бақсы*¹, словно сговорившись, твердят, что недомогание временное, но сам-то он понимает, что это лишь слова утешения. Годы берут свое.

Однажды Шагалак приготовил для него паровую баню – специальное народное средство. Распаренный и уставший, он очень долго проспал, всерьез обеспокоив близких родственников. Когда он проснулся, все вздохнули облегченно. В ауле чаще стали справляться о здоровье батыра. Зачастила с визитами байбише Ханбиби. Однажды навестить его и пожелать батыру скорейшего выздоровления приехали больше сорока человек из соседних аулов.

Многочисленные аулы каракереев, тортуыл, кызай и другие только недавно откочевали на пастбища Барлык и Майлы.

Однажды Кабанбай, созвав детей, родных, жен – Ханбиби и Майсару, сказал:

– Мне осталось жить совсем немного. За горой Токта есть перевал Сарыбел, куда отец возил меня не раз. Похороните меня там.

– Повезем в Туркестан, чем ты хуже других! – ответил старший сын Умбетей. Его поддержал другой сын Едыге.

– Еще рано говорить о смерти! – заключил третий сын Байток.

Однако случилось то, чего ждали меньше всего. Неожиданно в аул прискакали двое всадников с диким криком:

¹*Бақсы – народные целители.*

- Враг! Враг напал!
- Седлай коня, кто может!
- Скорей! – торопили они.

Кабанбай был дома один. Услышав голоса, вскочил с места, схватил свой меч и выскочил наружу.

- Калмыки? Шуршиты?
- Кыргызы! Карабек и Жантай – сыновья криворотого Атеке ведут войско!

– Сколько их?

– Не меньше тысячи, сардар-ага! Спрашивают, где аул Кабанбая. Еще говорят: «Нам нужно застать его живым».

К счастью, кочевья байжигит, кызай, тартуыла расположились рядом. Здесь же были батыры из рода найман, приехавшие справиться о здоровье батыра. Уже в полдень собрался тысячный отряд. Батыр остался доволен расторопностью жигитов.

Месть и честь – понятия, идущие рядом. Кабанбай догадывался, почему кыргызы решили напасть... Он вызвал Шагалака и велел ему седлать Кубаса. Снял со стены оружие, надел доспехи, повесил за пояс аршинный булатный меч, взял стальной щит и кинжал.

– Негоже лежать батыру и греть бока, когда враг у ворот! – приговаривал про себя.

Движения легкие, расторопные, будто не ломило кости, не болели суставы.

– Батыр-ага, позвольте самим справиться с кыргызами!

Но Кабанбай отвечал:

– Не вас ищет Карабек, а меня! Это мой последний бой, родные...

Никто не осмелился перечить батыру. Шагалак держал коня, помогая батыру сесть в седло.

Кыргызский отряд, возглавляемый Карабеком, опередил отряд младшего брата Жантая. Дрогнуло сердце Карабека, когда он издали увидел боевой отряд казахов и сверкавший на солнце золоченый шлем батыра в боевых доспехах. Он не поверил своим глазам. Это же Кабанбай! Выходит, неправду говорили, что он болен!

– Посмотрите, это же сам Кабанбай! Напрасно пришли мы сюда! – раздался чей-то голос сзади.

– Эй, Карабек, если хочешь отомстить за смерть отца, я готов принять твой вызов! – раздался громовой голос Кабанбая.

Только успел он выкрикнуть, как кыргызы, узнав Кабанбая, повернули назад. Напрасно Карабек, размахивая мечом, пытался удержать их. Аламань батыра бросились вдогонку. Кабанбай не стал придерживать коня, пустив его во весь опор. Выехав на середину поля, он заметил, как навстречу ему летит всадник. Это был Карабек. Кабанбай опередил противника и направил свое копьё в самое сердце. Карабек не успел даже поднять свой меч и был

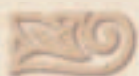
настигнут ударом. Кабанбай увидел, как упал Карабек. Но тотчас почувствовал тяжесть внутри. Все вокруг поплыло в тумане. Он даже не заметил, как сполз с Кубаса. Когда батыры подскочили к нему, было уже поздно.

Главный сардар, шестьдесят лет своей жизни проведя в седле, теперь лежал на земле, словно решил отдохнуть...

– Бесстрашный лев! Ты был щитом от врагов, опорой народа. Родится ли вновь такой сын? – причитая, склонился над телом батыра Шагалак и, приподняв его голову, застыл в страшном отчаянии. Слишком велико было горе.

Это был сто третий по счету бой Кабанбая.

Казахский народ свято хранит в своей памяти имя Великого батыра Великой степи Кабанбая Каракерея. Долг старшего поколения – донести до потомков славные дела его. Благословен народ, имеющий таких героев! До самой смерти Кабанбай не выпускал из рук тяжелое боевое копье. Защищая родную землю и свой народ, исколесил он широкую степь вдоль и поперек от самых гор Тарбагатая до южных границ Великой степи. В тяжелую годину бедствий и великих испытаний он страдал и переживал вместе со всеми. Жизни не щадил, славы себе не искал, защищая честь и достоинство, вселял в свой народ веру и гордость. Прославив имя свое, он пополнил список народных героев: Едияля, кыпчака Бейбарса, бесстрашного Еси-ма, непобедимого Тауекеля. С любовью и почтением называли его Кабанбай, Дарабоз, Хан-батыр.

Уважаемые читатели!

Книги серии «Знаменитые люди Востока» знакомят детей с людьми, чьи деяния до этого времени не были достойно отражены в детской художественной литературе. Они охватывают крупные исторические события, судьбоносные сражения, межгосударственные отношения, деятельность великих исторических личностей, каганов, батыров и ученых. Книги этой серии помогут развить в детях чувство патриотизма и гордости за свою Родину, поведают им о делах их великих предков.

Руководители издательского проекта и ответственные за выпуск

К. Раимбеков, Б. Иманалиев

Автор

Шакен Кумисбайулы

Консультант

*Народный писатель Казахстана,
лауреат Государственной премии К. Жумадилов*

Перевод

Л. Нагиятовой

Художник

Т. Асыков

Главный редактор

К. Байгабулова

Художественный редактор

Е. Козлова

Редактор

Л. Антохина

Корректор

О. Боровая

Дизайнцентр издательства «Аруна»

А. Романова

Казахстан, 050000, г. Алматы, ул. Чайковского, 190/184, офис 23

Тел./факс: (327) 2 72 84 11, 2 72 84 21

*По вопросам оптовой продажи обращаться в торговый отдел
издательства «Аруна». Тел./факс: (327) 2 72 84 11, 2 72 84 21*

E-mail: aruna_ltd@mail.ru

*Эту и другие книги издательства Вы можете приобрести книга-почтой,
отправив заказ на наш электронный адрес: E-mail: aruna_ltd@mail.ru*

Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная»

Усл. печ. л. 12. Уч.-изд.л. 17. Тираж 4 000 экз.

Типография «IntellService»